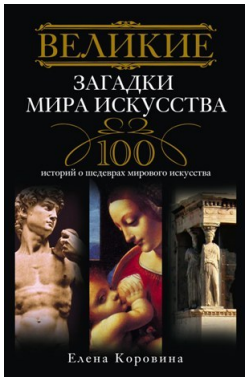

ВЕЛИКИЕ
ЗАГАДКИ
МИРА ИСКУССТВА
100
историй о шедеврах мирового искусства
Елена Коровина

Елена Анатольевна Коровина

Великие загадки мира искусства. 100 историй о шедеврах мирового искусства

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=590605
Елена Коровина. Великие загадки мира искусства. 100 историй о шедеврах мирового искусства:
Центрполиграф; Москва; 2011
ISBN 978-5-227-02478-7

Аннотация

На страницах этой книги вас ждет множество любопытных фактов о создании и «жизненном» пути величайших творений человечества. Вы узнаете главную загадку мира: какова миссия Большого египетского сфинкса? Как и почему отец-композитор оперетты Флоримон Эрве закончил свои дни в сумасшедшем доме? Как удалось Нелл Гвин, нищенке с лондонских улиц, стать примой театра «Друри-Лейн» и любовницей самого короля Карла II? Почему современники Тициана обвиняли его в убийстве? Как и по какой причине радиоспектакль по пьесе Герберта Уэллса напугал всю Америку? И много-много других загадок и поразительных явлений мира искусства, которые по сей день заставляют ученых, писателей, искусствоведов размышлять, спорить, предлагать свои версии.

Содержание

Застывшая красота 4
Главная загадка мира: миссия Большого египетского сфинкса 4
Мистический резонанс, или Предупреждение сфинксов 9
Загадка богини 13
Пока строится собор 17
Аббатство в Шервудском лесу 20
Тайна замка Альбрехтсбург 21
Кремлевские тайны Конана-варвара 25
Всадник над городом 30
Дом семи чертей 35
Роковая ночь 36
Возрождение во времени, или Обман веков 39
Злосчастное поместье 42
Убить Русалочку 45
Таинственная игра красок 48
Чудо монастыря Сен-Назер 48
Первая в мире женщина-скульптор 51
Живописец дьявола 54
Мятежный дух великого Мазаччо 58
Весна Сандро Боттичелли 62
«Джоконда»: тайны портрета номер один 65
Загадка Сикстинской Мадонны 71
Гений и злодейство 76
Тициановская сивилла 78
Загадка отсутствующего портрета 81
Конец ознакомительного фрагмента. 83

Елена Коровина
Великие загадки мира искусства. 100 историй о шедеврах мирового искусства

Застывшая красота

Главная загадка мира: миссия Большого египетского сфинкса

Это самая грандиозная в мире статуя, созданная за времена человеческой цивилизации. Высота этого мифического существа, вырубленного прямо из скальных пород, – более 20 метров, длина – около семидесяти. Впрочем, многие верят, что этого гиганта создали совсем не люди. Разброс имен создателей грандиозен и поражает умы: от древних атлантов до представителей внеземных цивилизаций. И в самом деле, вид колосса непривычен для земного глаза: у него тело и лапы льва, крылья орла и голова человека, правда, исследователи до сих пор не сойдутся на конкретике – мужчины или женщины. Воистину – мифическое существо!

Впрочем, астрологи говорят несколько иное. Они считают, что у существа тело быка (тельца), лапы льва, крылья орла (в астрологии – аналог скорпиона) и лик человека-девы. Отсюда вывод: это мифическое существо олицетворяет основные знаки зодиака (Телец, Лев, Скорпион, Дева), а значит, не просто мифическую, а вселенскую сущность. Словом, чем больше вглядываешься – тем больше загадок находится. И как правило, все они без ответа.

Большой египетский сфинкс в Гизе

Загадочная непостижимость – вот главная черта этого каменного существа. Да и как иначе – он же Великий египетский сфинкс. Громадный хищник, вечно бодрствующий, охраняющий покой пирамид в Гизе. Каменная сущность, изваянная в незапамятные времена, все видевшая, все слышавшая, но обо всем молчащая. Мистический спутник, сопровождающий человечество на всем его пути…

Кто он? Откуда взялся? Зачем поставлен? Неужели египтология, наука столь продвинувшаяся в последнее время, не может дать разгадки? Ведь этот страж стоит рядом с пирамидами тысячи веков. За это время о нем должны были бы вестись разговоры и споры, в анналах истории встречаться упоминания. Увы… Снова загадка, и совершенно мистическая: вплоть до недавнего времени ни в одном найденном папирусе или глиняной табличке Древнего Египта сфинкс не упоминался. А ведь египтологи уже узнали о многих деталях в жизни Египта: записи законов и распорядка жизни фараонов, рассказы о строительстве пирамид и храмов, о быте знати и простых людей. Сохранились таблички, упоминающие о строителях и живописцах, должниках и писцах. Но о самом величественном колоссе – ни строки!

Не говорится о сфинксе и в трудах древнегреческого историка Геродота, посетившего Египет в 445 году до н. э., хотя великий историк подробно рассказал (отчитался потомкам) обо всем: фараонах и пирамидах, обычаях и пище египтян, украшениях и тканях. Но ни словом не обмолвился о грандиозном каменном существе. Не мог же он не заметить эдакую махину?!

Однако – не он один! Египет посещали философы Гекатей Милетский и Гекатей Абдерский, потом знаменитый путешественник-географ Страбон, оставившие и свои записи.

Но и там ни слова о сфинксе. Ну просто какой-то заговор молчания! Или они действительно не видели сфинкса?

Историки дают разные ответы, изучая такой казус. Сфинкс стоит в пустыне, которая часто заносила его песком, закрывая с головой. Но неужели любопытствующие путешественники Античности не обратили внимания на огромную гору около пирамид? Ведь и заметенный песками сфинкс становился еще огромнее. Да и провожающие путешественников египтяне отлично знали, кто скрывается под грудой песка. Почему же не рассказали? Не хотели? Не могли?

Скорее всего, и то и другое. Ведь сфинкс являлся священным для египтян, а о святынях не должно говорить с чужаками. Жители Египта трепетно относились к каменной скульптуре, следили за ней и очищали от песка как могли. В конце XIX века в Египте была найдена стела, надпись на которой рассказывала о том, что фараону Тутмосу IV (XV век до н. э.) во сне явился бог Гор Двух Горизонтов (бог сна) и повелел расчистить статую сфинкса от песка. Тутмос в то время был еще только наследником, кроме него на трон фараона претендовало еще несколько царевичей. Но Гор объявил, что, если Тутмос выполнит его приказ, трон достанется именно ему, а царство его будет ожидать процветание. Естественно, Тутмос тут же отдал приказание и не пожалел средств для работ. И царство его действительно процветало.

И это не единственная легенда веков, связанная с каменным колоссом. Собственно с ним была связана вся история Египта. Не эти ли предания – указания веков «повелели» древним египтянам не показывать своего сфинкса ни Геродоту, ни Гекатеям, ни Страбону?

По легенде, Большой сфинкс не каменное, а живое существо. Вообще-то изображение сфинкса было распространено в древней стране. Но живым считался только Большой Гигант. Древние египтяне верили, что он каждую ночь обходит – облетает – обегает (вот для чего лапы льва и крылья орла) всю страну, охраняя ее от злых духов. Отсюда и человеческая голова – надо же не просто смотреть, но осознавать, мыслить! Вот только, обходя страну, сам Сфинкс принимает на себя песчаные бури и другие разгулы стихий, и потому, возвращаясь на свой пьедестал к утру, все глубже и глубже погружается в пески.

По другой легенде, Страж сфинкс переживает за порядок страны, которую ему поручено охранять. И когда жестокое и злое поведение рода человеческого (войны, вражда, набеги) начинает его раздражать, ночью он спрыгивает с пьедестала и убегает в пустыню, чтобы хоть там обрести душевное спокойствие и отдохнуть под звездами. С горя он даже зарывается в песок и часто не может потом отряхнуться. А для того, чтобы вернуться, сфинкс

должен быть уверен, что его логово (постамент) безопасно, что о нем не знают посторонние. Поэтому долгое время египтяне и считали, что о Страже нельзя говорить, сведения о нем нельзя записывать. Иначе однажды Большой Страж может и не вернуться. Тогда некому станет следить за законным порядком и мир обрушится в хаос.

Увы, настали новые времена, когда о сфинксе знает каждый человек на планете. Древний бедняга подрастерял свою благородную мистическую силу и стал туристическим брендом, «зазывателем» гостей со всех волостей. Старейшая держава оккультной мощи стала просто приманкой для любопытных зевак-туристов. Все идет на продажу: священные мумии, древнейшая погребальная утварь, папирусы с тайными знаниями. Священные места – пирамиды и Большой сфинкс – всего лишь картинки, размноженные на бесчисленных рекламных буклетах. Может, и правы были древние: мир, видящий в сфинксе только разменную монету, действительно погружается в хаос?..

Словом, сохранить Большого сфинкса в тайне не удалось. И, путешествуя сквозь века вместе с людьми, бедняга натерпелся от них воистину гигантских мучений. Когда-то бывший священным существом для древних египтян, он стал непонятной фигурой – даже презираемой – для их дальних потомков. Мусульманские правители увидели в нем воплощение зла. Один из них приказал отбить сфинксу нос, другой – лапы. Люди уродовали статую сильнее, чем все стихии, вместе взятые. Мамелюкам пришла в голову мысль использовать лицо сфинкса в качестве мишени для своих пушек. Надо же пушечникам на чем-то тренироваться! Наполеоновские солдаты палили в бедного сфинкса из ружей. Надо же учить солдат прицеливаться! Англичане отбили у несчастного фараонову бороду, которую когда-то приказал приделать к статуе еще Тутмос IV, чтобы сфинкс стал походить на правителя. Отбитый трофей увезли в Британский музей, уверяя общественность, что там-то борода лучше сохранится, чем на самом сфинксе. Ну не издевательства ли?! Воистину сбывалась старинная легенда: мир, не уважающий сфинкса, погружался в хаос.

А бедная статуя разрушалась, так и не открыв свои тайны. Люди даже не смогли узнать, когда, собственно, был создан каменный гигант. В XX веке профессор геологии университета Бостона доктор Роберт Шох рассчитал годы жизни сфинкса исходя из того, что его каменное тело сильно разъели дождевые потоки. «Когда же в Египте были века дождей? – подумал профессор. – Ведь сейчас гигант находится в пустыне…» Ученый привлек специалистов по климату, и всем вместе им удалось доказать, что были в Египте и дождливые времена – между 7 и 5-м тысячелетиями до н. э. Этими годами Шох и датировал возможность создания сфинкса. Другой ученый, Джон Уэст, пошел дальше. Он посчитал, что «основная эрозия на каменном теле сфинкса произошла в более ранний дождевой период – до 10000 года до н. э.».

Внесли свою лепту и мистики. Елена Блаватская, Николай и Елена Рерих считали, что потомки атлантов воздвигли Большого сфинкса 200 тысяч лет назад. Знаменитый американский ясновидящий Эдгар Кейси увидел в своих вещих снах, что «пирамида Хеопса и легендарный сфинкс были построены между 10490 и 10390 годами до н. э.». Словом, и тут одни загадки без ответов.

Тайна – и само место стоянки сфинкса. Многие исследователи считают, что гигант стоит на особой платформе из скальных пород. Более того, эзотерики уверены, что под скульптурой – подземный храм, соединенный скальными туннелями с пирамидами. В центре, под пирамидой Хеопса, – подземное озеро, посередине которого остров. На нем-то и спрятаны подлинные мумии правителей Египта, а те, что находят в пирамидах, – мумии не настоящих фараонов, а всего лишь слуг. Мумии властителей надежно спрятаны. Ход в их тайные усыпальницы как раз и сторожит мудрый сфинкс. Когда-то великие жрецы знали проходы от сфинкса к пирамиде Хеопса, а потом прямо к подземному острову. Но со временем тайные знания забылись. Но люди все равно стремятся к разгадке тайн.

В середине XIV века монах францисканского монастыря в Болонье, Франьо (Раньо) Неро, составил труд «Вечная книга. Оракул», ставший ныне легендарным, ибо практически все его предсказания, созданные до 2000 года от Рождества Христова, подтвердились. Так вот в своем «Оракуле» Неро упомянул и сфинкса. «Есть на Востоке великий каменный идол всех времен и народов, хранящий весь опыт человечества», – записал монах и предрек, что, разгадав загадку сфинкса, люди узнают о том, как жить вечно или продлевать жизнь до того возраста, «когда уже захочется перейти из нашего мира в мир Вечный». Неро увидел под статуей какой-то особый «сейф», где скрыты знания о болезнях, о смысле жизни, там же находится хранилище с семенами всех растений земли. То есть сфинкс – место хранения Вечной мудрости.

Удивительно, но спустя 600 лет после написания «Оракула», в середине XX века, Эдгар Кейси увидел в вещем сне похожее: под правой лапой сфинкса находится потайная камера. Ясновидец назвал ее «залом записей», где хранится вся записанная атлантами история человечества «с самого начала до постройки Великих пирамид», то есть до того времени, когда последние атланты еще жили в Древнем Египте. Словом, видения совпали. А может, просто Кейси сказал то, что прочел у Неро? Нет, американец никак не мог сделать этого! Дело в том, что рукопись францисканского монаха нашлась только в 1972 году. На нее наткнулись случайно. Боясь церковного преследования, монах сумел надежно спрятать свой труд. Он вложил страницы «Оракула» в книгу «Травы Тосканы», явно уверенный, что это скучное творение вряд ли кто станет читать. Кейси же заговорил о сфинксе в 1945 году – почти за 30 лет до находки «Оракула» в монастырской библиотеке близ Болоньи. Но удивительно, что оба предсказателя говорили об одном. Так, может, допустить, что они правы: сфинкс – своеобразный сейф веков, где хранятся страницы Вечной мудрости?

Однако ныне мир более заинтересован в поисках золотого тельца, нежели какой-то мифической мудрости. И сфинкс все сильнее приобретает иные – далеко не благородные черты стража человечества. Каменный колосс все чаще олицетворяется с проклятьем человечества. Еще древние греки, не видя самой статуи, по слухам создали собственный образ сфинкса.

Кстати, само имя «сфинкс» греческого происхождения. Как выяснили египтологи XX века, древние египтяне называли его «шепсес анх» – живой образ. Он действительно был для них живым: благородным помощником и бесстрашным стражем. И если много веков считалось, что сфинкс был возведен в пустыне только для того, чтобы стеречь покой умерших, то XX век открыл, что это не так. Вокруг статуи археологи раскопали фрагменты древнейшего города. То есть страж охранял реальных живых людей. Египтологи даже сумели понять, что случилось с древнейшим поселением: его разрушили по приказу кого-то из первых фараонов. Город не угодил правителю, и его стерли с лица земли. Только вот уничтожить статую, которую и глазом-то охватить трудно, ни один приказ фараона не смог. Сфинкс устоял, породив сотни легенд.

Легенды, вернее, мифы древних греков всегда отдавали, как бы сказали сейчас, «триллером и сюжетами фильма ужасов». Под стать другим оказался и миф о сфинксе. Греки упразднили его мужской род, некогда существовавший в Египте: на Пелопоннесе мифическое существо стало женщиной, хотя когти льва и крылья орла остались. Зато крылатая девальвица обрела у греков собственный статус безо всяких там тайн: Сфинга (так зовут ее на древнегреческом) стала душительницей, что, собственно, и значит ее имя. Скрупулезные греки даже выявили ее родословную: их Сфинга родилась от чудовищ Тифона (полузмей) и Ехидны (ну уж ее-то знают даже наши современники). Появилась и биографическая легенда. Высшая богиня Гера (супруга Зевса) послала Сфингу к городу Фивы – и не охранницей-стражем, как в Египте, а в качестве орудия наказания за грехи фиванского царя Лая. Любого, кто хотел войти в город, Сфинга хватала и задавала ему загадку: «Кто ходит по утрам на четырех

ногах, днем – на двух, а вечером – на трех?» В другом варианте загадка звучала так: «Кто имеет утром четыре ноги, днем – две, а вечером – целых три, но и они не придают ему силы?» Ни один путник не мог отгадать коварную загадку, и греческая дева-сфинкс пожирала их. Но однажды к Фивам подошел мудрый Эдип, сын Лая и его супруги, царицы Иокасты. Впрочем, Эдип не знал об этом родстве. Он был усыновлен царем Полибом и его супругой Меропой и искренне считал их настоящими родителями.

Встретив злобного царя Лая, Эдип повздорил с ним и убил. Как сказал бы гений психоанализа XX века незабвенный доктор Фрейд, Эдип начал воплощать в жизнь комплекс своего имени, когда каждый мужчина мечтает освободиться от своего отца и завладеть своей матерью.

Конечно, древний Эдип не мог знать о своих комплексах, поэтому, встретив у стен Фив деву-сфинкса, он быстро разгадал ее загадку и вошел в город. Там он влюбился в царицу Иокасту, не зная, что она его мать, и женился на ней. Словом, комплексы доктора Фрейда восторжествовали, но злобная Сфинга была повержена. От досады, что ее загадка разгадана, она бросилась в пропасть с высокой скалы. С тех пор сфинкс становится олицетворением тайны, загадки, которая несет гибель. То есть из древнейшего стража порядка крылатый гигант со временем превратился в проводника хаоса.

Теперь уже и сам лик сфинкса воспринимался европейской цивилизацией не величавым, мощным или даже отрешенно-вечным, как в Древнем Египте, а экспрессивным, непонятным, таинственным и ужасным в этой непонятной таинственности, впрочем, как и вся древнеегипетская цивилизация, мало понятная нынешнему европейцу. Весьма показательным оказалось восприятие сфинкса Наполеоном Бонапартом в его египетском походе. Когда в самом конце XVIII века его армия вторглась в Долину царей, пирамиды поразили французов, в том числе и будущего императора, величием и мистической мощью, а вот сфинкс прямо испугал. А все потому, что в разное время суток солнце по-разному освещает каменного стража. В утренних лучах его лик кажется спокойным и даже безмятежным. Но по мере скольжения солнечных лучей по статуе ее лик приобретает зловещий, сумрачный и даже угрожающий вид. К тому же в Египте темнеет почти мгновенно. Так что Бонапарт не раз видел, как сфинкс приобретает ужасное выражение и начинает скалить зубы. Не потому ли он приказал своим солдатам стрелять прямо в лицо древнего стража? Вот только изуродованный лик стал еще более отвратительным и угрожающим. А может, он просто предвидел ужасную судьбу самого Наполеона?..

Так, может, человечество и вправду просто приписывает сфинксу собственные зловещие черты? Идут века, и войны, эпидемии, катастрофы становятся все ужаснее, бесчеловечнее, масштабнее. Ну а сфинкс проходит историю цивилизации вместе с человечеством. Не оттого ли благородный Большой сфинкс – шеспес анх, живой образ – превращается людьми в устрашающее чудовище, символ не жизни, но смерти?..

Мистический резонанс, или Предупреждение сфинксов

Санкт-Петербург – город мостов, каждый из которых является шедевром архитектуры и техники, уникальным украшением города. У каждого – своя тайна. Мост, соединяющий Коломенский и Безымянный острова через реку Фонтанку, изначально считался чудом архитектуры, поскольку должен был висеть на тройных нитях металлических цепей и назывался Цепным. Он строился в 1825–1826 годах известными инженерами В. фон Троттером и В. Христиановичем и считался новым словом в технике: длина пролета составляла 55 метров, ширина – почти 12 метров. Украшали его фигуры четырех сфинксов, будто охраняющих мост с обеих сторон.

Египетский мост

Фигуры эти были изготовлены по моделям академика скульптуры П.П. Соколова, он же предложил украсить мост египетской символикой. Император Николай I, лично следивший за созданием моста, приказал денег не жалеть, «придавая мосту размах роскоши». Так что головы сфинксов щедро позолотили, равно как и восточные орнаменты с иероглифами. Вся эта египетская роскошь так впечатлила горожан, что мост тут же назвали Египетским. Со временем, конечно, едкие петербургские туманы согнали позолоту, роскошь сошла и сфинксы приобрели облезлый и унылый вид.

В полдень 20 января 1905 года к Египетскому мосту подошел конно-гренадерский полк. Военные были тут частыми гостями – неподалеку располагались армейские казармы. День выдался пасмурным. Солдаты, ведущие под уздцы лошадей, рассеянно смотрели на низкие наползающие тучи, на металлические конструкции и тройные нити цепей, покрытые зимней грязью и пятнами ржавчины. Навстречу полку по мосту ехали городские извозчики, шли пешеходы. Словом, кипела обычная городская жизнь. И вдруг пролеты моста, разорвавшись, рухнули на лед Фонтанки. Крики и стоны людей смешались с хрипом и ржанием упавших лошадей. Началась паника…

Уже к вечеру петербургские газеты так описали катастрофу: «Сегодня в 12 с половиной часа дня при следовании лейб-гвардии конно-гренадерского полка через Египетский Цепной мост через Фонтанку, по направлению от Могилевской улицы к Ново-Петергофскому проспекту, в тот момент, когда головная часть полка уже подходила к противоположному берегу, мост обрушился. Находившиеся впереди офицеры успели проскочить на берег, нижние же чины, в количестве двух взводов, шедшие в строю справа по три в ряд, вместе с лошадьми упали в воду. Упали также в воду проезжавшие в обратную сторону один ломовой и четыре легковых извозчика без седоков и несколько пешеходов… К 2 часам дня люди и лошади были извлечены из воды. Пострадавшие были отправлены в ближайшие приемные покои и в лазарет Николаевского артиллерийского училища. Серьезно пострадавших, по официальным сведениям, не оказалось».

Однако мост уже не подлежал восстановлению. Вся его настилка вместе с перилами и скреплениями, разорвав цепи и сломав часть чугунной опоры, проломив лед, оказалась на дне реки. И только четыре загадочных и неподвижных сфинкса остались сидеть на гранитных плитах по обоим концам своего Египетского моста.

Естественно, началось расследование «причин несчастья». Тут же возникли версии: «раскачка моста кавалерией» или «не вполне прочная конструкция». Против «непрочности конструкций» восстали инженеры. Они напомнили, что Египетский мост со дня своего официального открытия – 25 августа 1826 года – ремонтировался пять раз, только в прошлом, 1904 году два раза, и был признан «находящимся в хорошем состоянии».

Что же касается «раскачки моста кавалерией», то действительно, ритмичные колебания слаженного шага военных могут вызвать эффект резонанса. Именно эта версия и показалась тогда наиболее верной. Она так поразила общество, что ученые сочли нужным включить обрушение Египетского моста во все учебники истории, физики и военного дела. Именно тогда и появилась команда: «Идти не в ногу!», которая дается любому строю перед вступлением на мост.

Казалось бы, «причина несчастья» найдена. Однако появилось множество очевидцев катастрофы. Они-то и опровергли версию резонанса, потому что утверждали: солдаты шли не в ногу, некоторые вообще проезжали мост на лошадях. И вряд ли лошади были выдрессированы «ходить в ногу». К тому же навстречу ехали извозчики, по тротуару брели прохожие. Словом, никакого слаженного хода не было, а значит, и резонанс не мог возникнуть. Его отсутствие подтвердили и физико-математические расчеты и эксперименты, проведенные учеными Петербурга. Словом, резонанс попал под вопрос.

Зато появилась версия романтическая – почти городской фольклор. Молва вспомнила, что в одном из домов на Фонтанке проживала дочь скромного почтмейстера Мария. И вот, как на грех, повадилась она посещать офицерский клуб да встретилась там с бравым воякой-красавцем. Тот был жгучий брюнет с голубыми глазами, вот и не устояло сердце девичье. Да только офицер обманул девицу: пообещал жениться, но слова не сдержал, польстившись на богатенькую. Ну а брошенную девушку его приятели-офицеры подняли на смех, прозвав Марией Египетской, то ли потому, что жила они у Египетского моста, то ли потому, что звалась так в Библии девица весьма легкого поведения.

И вот однажды обманутая Мария выглянула в окно и увидела на мосту тот самый полк, где служил ее обидчик с приятелями. И так у нее сердце разобрало, что выкрикнула она в гневе: «Чтоб вам, военным, провалиться!» Было как раз 20 января 1905 года, и, видно, Бог услышал ее молитвы – в ту же секунду мост рухнул вниз, увлекая за собой весь полк.

Вспомнилась и историческая версия обрушения. Дело в том, что мост оказался облицован особыми гранитными блоками, вынутыми из стенок рвов Михайловского замка. Почему уж так вышло, за давностью лет не понять: может, нужного камня не нашли, может, в строительной спешке что-то напутали, но только за пару недель до надвигающегося официаль-

ного открытия в 1826 году быстренько привезли черный гранит с Михайловского замка и облицевали им устои моста.

А Михайловский замок пользовался в Петербурге зловещей славой. Мало того что именно там был убит император Павел I, да еще и мрачные стены замка навевали на горожан ужас уже с первого дня строительства. Поговаривали, что замок был построен по мистическому плану, насыщен мальтийской символикой. Шептались и о том, что гранит на постройку брали с мест древних капищ и потревожили прах старинных богов, которые и прокляли строительство. И вот теперь проклятый черный гранит Михайловского замка навлек новую беду на Петербург.

Но была и самая таинственная версия обрушения Египетского моста – зловещее влияние сфинксов. Историки и оккультисты давно заметили, что мистическая культура Древнего Египта, направленная на стремление к смерти, как-то неожиданно, но властно прижилась в северном городе, традиционно именуемом городом-призраком. Мало того что Эрмитаж хранил множество древних артефактов, но и прямо на пристани, напротив Академии художеств, стояли в петербургском тумане древние сфинксы, привезенные в 1832 году из самого Египта. Были те сфинксы созданы еще в эпоху Аменхотепа III и считались священными. Правда, фигуры Египетского моста такой древней «биографией» не обладали, а были всего лишь «новоделами», созданными к открытию моста. Но все равно, сфинкс есть сфинкс: чудовище, загадывающее мистические загадки и изрекающее мрачные пророчества.

И надо сказать, что Египетский мост тоже не молчал – он пел. Его даже называли Поющим. Поразительно охарактеризовала его «Петербургская газета» от 18 января 1901 года: «Поющий мост. Оказывается, и такой есть в Петербурге. Это Египетский. Он, как известно, цепной системы, и когда вы едете по нему, то его цепи издают самые разнообразные заунывные звуки. Не поет ли уже он себе погребальную песню?» Что ж, репортер газеты оказался провидцем почище самих сфинксов…

За месяц до катастрофы, в рождественские дни 1904 года, петербуржцы стали замечать, что «заунывное пение» слышится все громче. Поэты и мистики тут же заявили, что «под звон цепей моста поют четыре сфинкса». И песня эта предвещает «ужасные события». И вот пророчества начали исполняться: сначала случилось Кровавое воскресенье 9 января 1905 года, потом рухнул Египетский мост. По всем канонам мистики ожидалось третье исполнение пророчества. Увы, в начале 1905 года никто и не подозревал, что скоро события 9 и 20 января покажутся цветочками. И не рухнувший мост станет падать в пропасть, а государство, объятое вихрем революции 1905 года.

Впрочем, все несчастья когда-нибудь да заканчиваются. Закончились революции, отгремели войны. Между прочим, сфинксы пережили блокаду вместе со всем городом на Неве. После Великой Отечественной войны было разработано целых 17 вариантов возрождения Египетского моста. Победил проект инженера В. Демченко, архитекторов П. Арешева и В. Васильковского.

И вот мост возник заново – в своем классическом виде, но в новом инженерном решении и современных материалах. Строительство длилось два года (1954–1956). Старинных сфинксов отреставрировали, добавив к ним фонари-обелиски. Возродили иероглифы, орнаменты, цветы лотоса. Казалось бы, все устои – и моста, и окружающей его жизни – вновь незыблемы. Но в 1989 году на одного из сфинксов налетел автомобиль. На его капоте почему-то красовалась алая ленточка с серпом и молотом – гербом СССР. Люди не пострадали, но чугунный сфинкс от сильного удара рухнул в воду Фонтанки. Когда беднягу вытащили, он оказался сильно поврежден. Мистики восприняли новую катастрофу как знак, предвещающий нечто зловещее. Долго ждать не пришлось – страна с серпом и молотом развалилась на части.

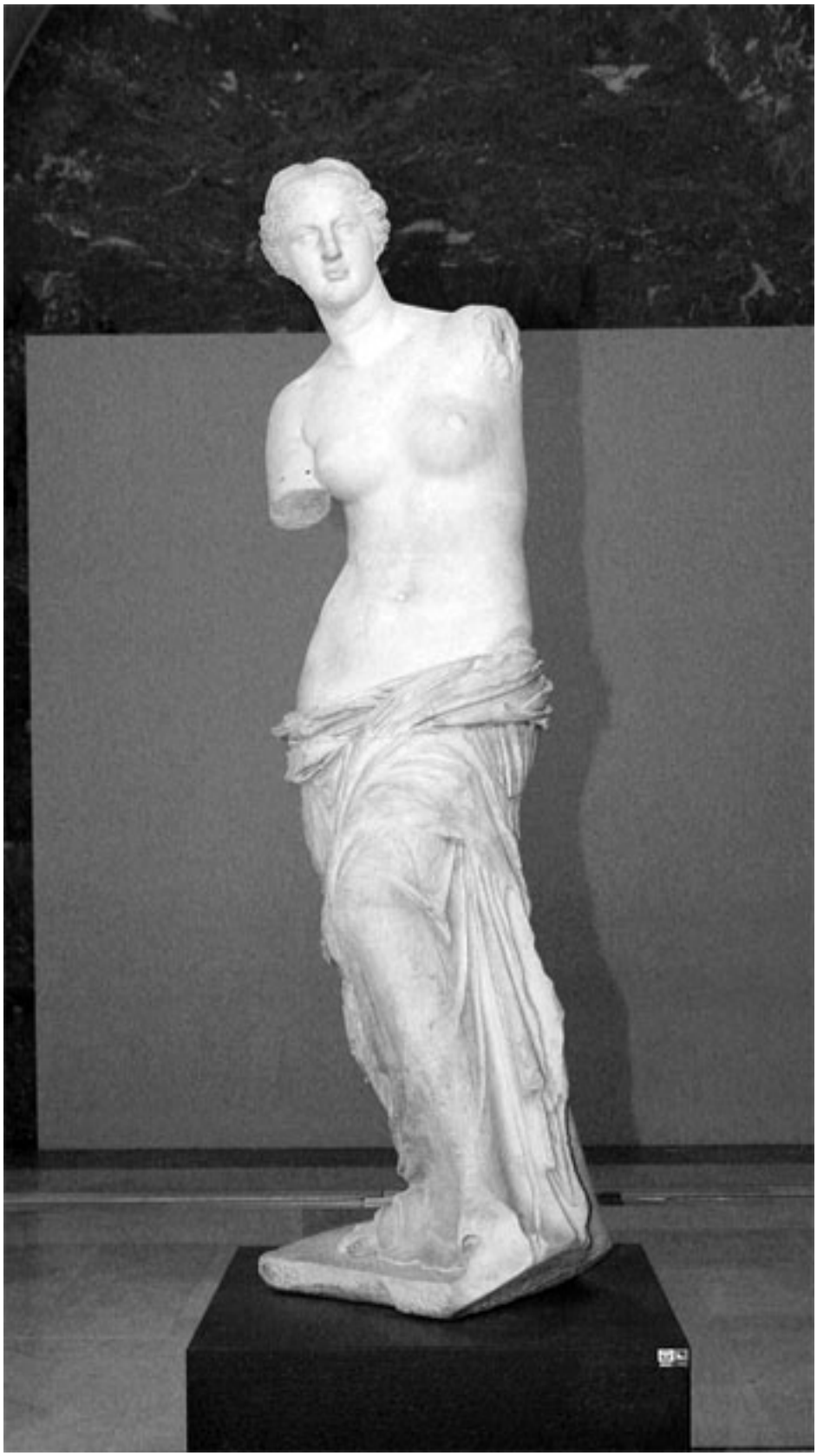
Конечно, в «лихие девяностые» было не до скульптур, хоть и самых значимых. Но в начале XXI века на злополучном Египетском мосту выявилось множество трещин, сколов и других дефектов. Разошлись даже гранитные блоки, на которых сидят злополучные сфинксы, и образовалась щель в 2 сантиметра. От любого толчка сфинксы могли бы рухнуть в воду! И в 2004 году власти Петербурга срочно взялись за реставрацию. Вот тут-то и вспомнилось, что головы сфинксов изначально были позолочены. Реставраторы тщательно позолотили их вновь. Старые петербуржцы вздохнули свободнее: кто знает, может, сфинксы и бедокурили оттого, что их головы оказались не в порядке?.. Словом, теперь мистические создания начали взирать на мир, словно не сфинксы, а золотые тельцы. И под их взором богатство потянулось в город. Да только опять ненадолго – начался 2008 год, и вдруг грянул кризис…

Загадка богини

Эта самая прекрасная женская скульптура окутана тайной веков. Говорят, когда-то в незапамятные времена богиня Афродита родилась из морской пены, которую прибило к острову. Но около 200 лет назад она вновь явилась людям на острове, но не из пены морской, а из темного земляного склепа. Кто и когда соорудил этот склеп – загадка, равно как и то, кто создал прекрасную беломраморную статую и зачем спрятал ее. Даже история находки Венеры Милосской полна непостижимых тайн. Впрочем, так и положено в жизни истинной богини.

Весна 1820 года выдалась нелегкой на небольшом греческом острове Милос. Сначала остров потрепали ветра Эгейского моря, за ними зарядили дожди. И только потом появились первые лучи благодатного солнца. Рыбаки, привычно и спешно переквалифицировавшись в крестьян, потянулись на пашню.

Плуг Йоргаса Кастро Буттониса застрял в большой трещине. Наклонившись, ошарашенный крестьянин обнаружил внизу старинный склеп. А на дне его – отлично сохранившуюся беломраморную богиню красоты. О находке крестьянин рассказал сыну и племяннику. Вместе они уже начали мечтать, как продадут статую и станут богачами. Ночью троица тайком отправилась доставать находку. Но та оказалась слишком тяжелой. И когда сын с племянником резко рванули мраморную фигуру, ее верхняя часть неожиданно отделилась от нижней. Этот бюст и принесли домой. А неподъемную нижнюю часть пришлось оставить в склепе, для надежности присыпав землей.



Венера Милосская

Покупатели нашлись быстро – на Милос как раз пожаловала французская бригантина «Лашеврет». Буттонис предложил статую молодым офицерам – поручику Дюмон-Дюрвилю

и лейтенанту Матереру. Те явились к нему под покровом ночи, скривившись от обстановки нищеты: грубо сколоченный стол, трухлявые тюфяки, соломенные циновки. Но на одной из вытертых циновок лежал мраморный бюст женщины невыразимой красоты. С первого взгляда становилось ясно – древняя античная работа…

«Нижняя часть статуи в подземелье! – прошептал Буттонис. – Турки, нынешние хозяева острова, запретили нам иметь дела с иноземцами, но я покажу вам тайно!» И французы ринулись в ночь за хозяином. Залезли в склеп, освещая путь фонарями. Выбравшись, начали уговаривать крестьянина, путая французские, греческие и турецкие слова, никому не показывать величайшую находку и тем более не продавать! Сейчас у офицеров нет денег на покупку, но они расскажут о ней своему начальнику, французскому послу. Тот пришлет за статуей и отблагодарит Буттониса по-царски. Крестьянин, плохо понимая, слушал, но кивал.

Услышав рассказ своих офицеров, маркиз де Ривьер, страстный коллекционер антиков, предпринял срочные меры: тайно направил на Милос посольский корабль «Эстафета». Корабль под командованием секретаря посольства, виконта Марсюллеса, прибыл на остров под вечер, но, едва вошел в залив, луна высветила там еще один корабль. Схватив бинокль, виконт рассмотрел турецкий флаг, а на берегу матросов, которые на веревках волокли нечто беломраморное и тяжелое. Видать, проклятый крестьянин нашел-таки покупателя.

«Десант, по вельботам! – заорал Марсюллес матросам. – Гребите к берегу! Если сумеете отвоевать статую у турков, всем бочка вина!» Матросы налегли на весла. «Не стрелять! – снова закричал виконт. – Можно поранить Венеру!»

Турки увидели французов и сделали немыслимое: чтобы быстрее доставить статую к своему баркасу, они сбросили ее с веревок и покатили по отлогому склону, как бочку. Марсюллес в ужасе схватился за голову: эти идиоты загубят шедевр! Наконец, французские моряки причалили к берегу и бросились на турок. Началась схватка. Все смешалось в рукопашном бою. Тогда-то статуя и треснула снова. Подхватив свою часть, турки ретировались к фелюге. А Марсюллесу, подбежавшему к месту схватки, досталась только верхняя часть Венеры, валявшаяся в грязи.

Испачканный бюст спешно завернули в рогожу и отнесли на корабль. Там Марсюллес развернул отвоеванную часть Венеры и в ужасе уставился на бюст – у богини не было рук…

Разгневанный маркиз де Ривьер отправил на Милос еще один корабль, чтобы матросы обыскали берег. Ничего! Тогда маркиз обратился к турецкому султану. Тот отказался продавать свою часть статуи. К тому же прознавшие о чудесной статуе русские купцы, торговавшие в Константинополе, тоже возжелали купить хотя бы часть статуи. Но купцам не хватило денег. Они спешно отправили бумагу в Петербург, прося ссуду у российского правительства. Просьба канула в бюрократическую трясину. А жаль – Венера Милосская могла бы стать русской!..

Между тем Ривьер собрал нужную сумму и выкупил «турецкую часть». Но рук не было и у султана! Пришлось маркизу соединить то, что есть. Венера заняла в его коллекции почетное место, но, к сожалению, без рук… К тому времени уже начался период осложнения отношений с греками. Те заявляли: несмотря на то что сейчас Греция с Милосом и находятся в турецком владении, во времена создания Венеры греки были свободны. Так что теперь они требовали вернуть статую на ее исконную землю. Ривьер не стал дожидаться, когда его на весь мир ославят вором, а бедную Венеру – краденой. Ловкий дипломат сделал не менее ловкий ход – подарил ее своему господину, королю Людовику XVIII. Пусть разбирается! Однако и король не пожелал сомнительной статуи – богиню отослали в музей Лувра. И вот в 1821 году Венера Милосская явилась миру, выставленная на всеобщее обозрение.

Очереди в Лувр вились кольцами. Искусствоведы гадали: кто автор? Но зрителей больше интересовало, что богиня держала в руках. Дискуссия разрасталась. Одни считали, что в руках у Венеры было зеркало, другие утверждали, что богиня от стыдливости поддер-

живала руками покрывало. И только спустя полвека, в 1872 году, французский посланник в Греции Жюль Ферри понял, как раскрыть эту загадку. Да нужно просто спросить у Буттонисов!

Отца семейства к тому времени не было в живых, но его сын и племянник, дряхлые и нищие, все еще ютились в семейной лачуге, знать, турки не щедро с ними расплатились. Находчивый Ферри достал несколько золотых: «Вы помните Венеру? Что было у нее в руках?» Старики недоуменно воззрились на приезжего: «Конечно, яблочко, господин!»

Статья Ферри в научном журнале произвела сенсацию. Знатоки античности заахали: как такой простой ответ никому не пришел в голову? Конечно, Венера держала яблоко, ведь именно его дал ей Парис, признав прекраснейшей из всех земных женщин.

Однако общественность не удовлетворилась разгадкой. Люди хотели видеть все своими глазами. XX век начался с новой экспедиции: в 1901 году энтузиасты перерыли берег Милоса, на котором когда-то нашлась Венера. Но никаких утерянных рук…

К середине века начались сенсации. Сначала в 1964 году турецкий профессор Ахмед Ресим заявил, что знает, где находятся утраченные руки богини, но нынешние владельцы вернут их, только если французы перевезут статую в Стамбул. Услышав такое, искусствоведы заявили, что это чистое вымогательство. Затем мир облетело известие, что Лувр получил секретное послание о нахождении «самых великих рук мира», но второго послания в музей не пришло, и газеты объявили слух рекламным трюком. Ну а потом пришло и совсем невероятное известие: некий бразильский миллионер приобрел «руки Венеры» за 35 тысяч долларов (напомним, шли 70-е годы XX века, стоимость доллара была куда выше сегодняшней), но согласно условиям продажи может предъявить покупку миру только через три года. Лувр замер в ожидании и, наконец, через три года получил копии рук. Увы, сенсации не произошло: вердикт, вынесенный учеными, был краток: эти руки чьи угодно, но только не Венеры Милосской!

Но бум было уже не унять. На протяжении всего XX века то тут, то там появлялись «чудом найденные Венерины руки». Конечно, экспериментировать над бесценной статуей работники музея не позволяли, но иногда под нажимом общественности составляли странные фото, на которых красавица появлялась то с одними, то с другими руками. Все такие фотографии вызывали шок – Венера с руками теряла красоту и обворожительность. Более того, дама с руками становилась чудовищной!..

«Ну почему нам так хочется «привинтить» руки Венере, подогнать красоту под наше понимание? – написал после одного такого эксперимента обозреватель «Фигаро». – Почему мы кидаемся улучшить? Гении прошлых веков преподнесли нам прекрасный урок: сила красоты – не в понятности, а в загадочной тайне, которую хочется приоткрыть. Но делать этого не следует!»

Наверное, обозреватель «Фигаро» прав. Ведь должна быть в женщине какая-то загадка, тем более в богине. Пока сохранена тайна, она будет притягательна и прекрасна.

Пока строится собор

Говорят, кафедральный собор в немецком городе Кельн строится вот уже восьмой век. Но разве такое возможно?! Это что: обман или какая-то тайна?

Все началось еще в середине XII века. Архиепископ немецкого города Кельна Райнальд фон Дассель вывез из итальянского города Милана великие военные трофеи – мощи трех волхвов, тех самых, что пришли на свет Вифлеемской звезды, дабы первыми поклониться новорожденному младенцу Христу и принести Мессии свои дары.

«Это же величайшая святыня христианского мира! – решил архиепископ. Их следует поместить в наидостойнейшее место». Однако действующий тогда в Кельне кафедральный собор – хоть и старинный, намоленный, почитаемый горожанами, но небольшой и невысокий – явно не подходил для такой великой миссии. К тому же собор был маловместительным, а ведь к мощам станут приходить паломники со всей Европы. Нет, для столь величественного христианского поклонения нужен был собор грандиозный, всеохватный, возможно даже, крупнейший собор в Европе, а может, и во всем мире. Его купола и шпили должны уходить в небо – туда, где светилась Вифлеемская звезда.

Кельнский собор

И вот городские власти, подстрекаемые архиепископом, постановили: снести старый собор, а на его месте возвести новый – самый большой по северную сторону Альп. Пусть все увидят, что не только в Италии христианские святыни покоятся в величественных церквях и соборах. Короче, горожан обуяла гордыня. И только настоятель старого городского храма воспротивился: «Стены нашего собора помнят еще Карла Великого! Нельзя разрушать память. Постройте новый собор, но старый оставьте!» Однако горожане не послушали настоятеля. «Разрушим старый собор! Построим на его месте главный собор мира!» – закричали они, собравшись на главной площади. И тогда громовой голос настоятеля загремел над площадью: «Да не будет же никогда достроен этот собор! А коли достроится, случится страшное – придет Апокалипсис и грянет Судный день!»

Пророчество показалось столь жутким, что строительство отложили. Но прошло несколько десятилетий, выросло поколение, уже не помнившее проклятия давно покойного настоятеля. И старый храм решено было все же снести.

В 1248 году, спустя почти сто лет, после того, как Райнальд фон Дассель привез в город мощи волхвов, новый архиепископ Конрад фон Хохштаден приказал начать строительство и собственноручно заложил первый камень в основание будущего собора веков.

Замысел был воистину грандиозный. Готические шпили собора взмывали ввысь на 157 метров – чтобы молитвы верующих как можно быстрее доходили до Бога на Небесах. Алтарь, залы, капеллы, башни, помещения внутри ограды создавали громадный лабиринт – целый мир духовного преображения на земле человека, готовящегося перейти в мир горний. Лучшие мастера трудились над фресками и скульптурами, витражами и мозаиками, ковали ограды, тесали скамьи. Но работы затягивались. За первые двадцать лет отстроили только небольшую часть главного зала, где поместили золотой саркофаг с теми самыми легендарными мощами волхвов. Потом весь зал достраивали еще больше пятидесяти лет. Только к 1440 году в Мариенкапелле (капелле Девы Марии) появился изумительный по красоте алтарь со сценой «Поклонения волхвов» работы великого немецкого живописца Стефана Лохнера. Но видно, и он «заразился» медленными темпами – много раз дописывал и переписывал свою картину. Собор же все строился и строился…

Только 15 октября 1880 года собор наконец-то решили освятить. Это более чем через 600 лет после закладки первого камня! На освящение прибыл сам германский император – престарелый Вильгельм I и, конечно, были приглашены гости со всего мира, ведь это был повод продемонстрировать влияние Германии. Вечером монарх решил лично осмотреть строение, но, обойдя собор, наткнулся на только что начатую кладку у западного нефа. «Что это?» – удивился монарх. «Так не доделали еще, – дрожащим голосом ответил бригадир каменщиков и попытался напомнить: – Легенда есть…» И он рассказал монарху про то, что собор нельзя достраивать, иначе случится конец света. Ну а вечно недостроенный собор – настоящий Страж Апокалипсиса на грешной земле. Пока строится Кельнский собор – живет-строится и весь мир.

Император крякнул, огляделся вокруг и вдруг произнес: «Надо бы и вон ту стенку положить заново!» Бригадир каменщиков удовлетворенно хмыкнул и позвал своих рабочих. Строительство продолжилось.

Так и создается сей «вечный долгострой». Даст бог, будет возводиться вечно. И вечно будет строиться наш мир. Тогда никакой Апокалипсис не страшен. Конечно, атеистический и рациональный XX век в пророчества не слишком-то верил. Но собор в Кельне потихонечку достраивал. Удивительно, но этот шедевр архитектуры и человеческого духа уцелел и во время Второй мировой войны. Ну а то, что все-таки разрушилось, жители Кельна тут же начали восстанавливать. Но до конца опять-таки не достроили – передали эстафету XXI веку. Вот и ныне вокруг собора постоянно то тут, то там появляются строительные леса: надо поддерживать стража.

Аббатство в Шервудском лесу

Как известно, наиболее трепетно к домам относятся в Англии: «Мой дом – моя крепость». Это вполне объяснимо: ведь если по Европе за сотни веков проносились ветры войн и революций, сметающие с лица земли не только людей, но и их жилища, английский уклад жизни сохранил здания чуть не с XII века – и церкви с монастырями, и городские здания, и родовые дома. И один из самых известных таких домов – дом семьи Байрон. Вот где можно наглядно отследить, сколь велико влияние жилища на его обитателей.

Про знаменитый Шервудский лес знают все – это место «охоты» легендарного благородного разбойника Робина Гуда. Но мало кто знает, что в этом же лесу стоит и родовой дом поэта Байрона. До 1533 года поместье, обширные угодья и лесное озеро принадлежали богатому Ньюстедскому аббатству, которое мирно владело ими более трех веков. Однако указ Генриха VIII лишил католические монастыри их богатств и насиженных мест. Предметы роскоши и деньги, естественно, отошли в казну, а вот здания и земли король пожаловал своим любимцам. Так в бывших владениях Ньюстедского монастыря по милости короля Генриха VIII поселился род Байронов.

Надо сказать, что Байроны (или Буруны, как их называли в Средние века) были не просто королевскими любимцами, но храбрыми и честными воинами, не раз проливавшими свою кровь во славу Англии. Но, лишь получив настоящее поместье, они обрели родовой дом и лоск истинных аристократов. Однако распознать коварный нрав полученного королевского дара семейству Байрон удалось не сразу. Правда, крестьяне окрестных деревень честно пытались рассказать новому хозяину сэру Джону Большая Борода о том, что выгнанные с насиженного места монахи наложили на монастырь особое заклятие. Ночью, покидая стены обители, они бросили в озеро старинный аналой с изображением серебряного орла и хартию вольности, выданную монастырю на владение землями Шервуда еще в XIII веке. При этом настоятель заявил: «Как священник я не могу наслать несчастья на новых владельцев. Но я обрекаю их на те же вечные странствия, на которые они обрекли моих монахов. И не будет покоя новым хозяевам, пока один из них не вступится за свободу и вольность гонимых и угнетенных!»

Так и вышло. И хотя сэр Джон Большая Борода переделал готическое строение во вполне спокойный и приемлемый для жилья замок, мрачный настрой Ньюстеда начал толкать до того невозмутимых и уравновешенных Байронов на крайности и авантюры. Никто из них не мог усидеть на месте, и никому из них не было покоя. Надо сказать, радости это им не приносило. Один из предков поэта в пьяном угаре носился по округе, не в силах остановиться, другой, отправившись в путешествие, убил приятеля, за что и был судим пэрами королевства, третий вообще прославился как самый злополучный адмирал английского флота. Вот вам и жажда странствий вкупе со стремлением к свободе, о которых говорилось в монашеском проклятии!

Впрочем, англичане уверены, что проклятие утеряло силу с рождением великого поэта. Ведь хотя дом и наложил на Джорджа Гордона Ноэля Байрона (1788–1824) печать мрачности и необузданного темперамента, поэт сумел переплавить их в свое романтическое творчество. И последнюю часть легендарного предсказания он выполнил – отдал жизнь в борьбе за свободу угнетенной Греции.

Тайна замка Альбрехтсбург

История изобилует совершенно невероятными поворотами. Казалось бы, начинается одно, а вдруг раз – и получается совсем другое. Именно таким неожиданным оказалось дело всей жизни немецкого алхимика Иоганна Фридриха Бёттгера (1672–1719).

К концу XVII века алхимия уже не являлась столь притягательной, как в прошлые времена. В фаворе оказались естественные науки и, конечно, медицина. Ею-то и решил заняться любознательный и способный юноша Иоганн Фридрих Бёттгер. В 1698 году, когда ему исполнилось 16 лет, он поступил в ученье к известному берлинскому аптекарю Цорну. Однако не прошло и пары лет, как Цорн обнаружил, что ученик пачками глотает книги, да вот беда, не по медицине и фармацевтике, а по алхимии и оккультным наукам.

Замок Альбрехтсбург

Почтенный аптекарь пришел в священный ужас: алхимия уже считалась нечестивым деянием. «Она приведет тебя к краху!» – завопил он. Но юный ученик только плечами пожал: «А что я получу, если всю жизнь буду растирать порошки да варить микстуры? Грошовое жалованье – разве это не крах всем мечтам?! А если я займусь алхимией, то сумею открыть философский камень, при помощи которого стану делать золото, и разбогатею вмиг!» Словом, закусив удила, ученик захотел от жизни все и сразу. Другой бы на месте Цорна выдал его церковным властям, но почтенный аптекарь имел мягкий нрав да и привязался к Иоганну, ведь тот был умным и талантливым учеником. Так что Цорн решил: молодо – зелено, юноша перебесится да и займется растиранием порошков, а пока пусть поэкспериментирует в своих алхимических опытах.

Увы, скоро стало ясно, что быстро научиться варить золото Иоганн не в силах. Но видно, тщеславие родилось вперед него. И однажды, когда Цорн в очередной раз упрекнул его в нерадивости, Бёттгер решил поразить учителя: «На самом деле я уже давно знаю секрет, как изготовить золото из свинца. Мне открыл его один странствующий ученый грек. Он путешествовал по нашим местам и неосторожно свалился в реку. А я его вытащил. За это он открыл мне тайну: есть особая жидкость, которую нужно добавлять во время переплавки, и свинец обратится в золото!»

Аптекарь удивленно поскреб подбородок: «И что же ты никак не получишь золотишко?» – «Мне пока не удается составить эту самую жидкость по греческому рецепту, – буркнул Иоганн. – Но как только это случится, я стану богачом!»

Вышло иначе: то ли кто-то подслушал их разговор, то ли сам Цорн по хмельному делу проговорился, но слухи об ученике аптекаря, который может из свинца делать золото, облетели Берлин и дошли до самого короля Пруссии Фридриха I. Хорошо, Иоганн проведал об этом и успел сбежать. Так что, когда в аптеку явились солдаты, чтобы по приказу короля забрать юного алхимика, того и след простыл.

Бёттгер решил переждать в Саксонии. Однако и саксонский курфюрст Фридрих-Август I (бывший в то время еще и польским королем под именем Август II) нуждался в деньгах ничуть не меньше Фридриха Прусского. Так что в Дрездене незадачливого алхимика схватили и поселили в доме, в подвале которого была оборудована тайная лаборатория. Курфюрст тоже жаждал золота.

Иоганн начал работать. Смешивал разные компоненты, сливал и разливал, варил и остужал. Тысячу раз он проклинал свое хвастовство: ну зачем хвастал перед Цорном тем, чего не умеет?! В конце концов доведенный до отчаяния Бёттгер снова решил бежать. Но его догнали, схватили и вернули. Вот только поселили уже не в благоустроенном доме, а в подвале старинного разваливающегося замка Альбрехтсбург, что рядом с городком Мейсеном. По подвалам гуляли сквозняки, а по коридорам – стражи курфюрста. Иоганн жил взаперти при подземной лаборатории, и выбор у него был невелик: либо создать золото, либо сгинуть в темном подвале…

И снова незадачливый алхимик плавил в печах наугад металлы, смешивал различные комбинации. Все напрасно! Стало только хуже, поскольку глиняные тигли, в которых кипели металлы, постоянно лопались, не выдерживая жара печи. Чтобы продолжать работу, приходилось самому делать тигли. Для этого Бёттгер запрашивал разные сорта глины. И вот однажды ему привезли красную глину из окрестностей городка Окрилля, находившегося неподалеку от Мейсена. Иоганн пришел в восторг.

«Тигель из этой глины выдерживает фантастическую температуру – больше 1800 градусов!» – рассказывал он наблюдавшему за его работой графу Эренфриду фон Чирнхаусу. Граф уже давно вел беседы с узником-алхимиком. Сначала не по своей воле – курфюрст Саксонии приказал ему надзирать за работой Бёттгера. Но Чирнхаус и сам был образованным и любопытным человеком, тяготел к естественным наукам, проводил в Саксонии геологические изыскания. Его мечтой было разгадать тайну китайского фарфора. Нигде в мире, кроме далекой восточной страны, не умели делать посуду из этого белого чуда.

Фарфор – твердый, тонкий и прозрачный – ценился на вес золота. Да что золото – однажды курфюрсту пришлось обменять пару фарфоровых чашек на целый взвод отлично обученных солдат. И вот в красноглиняных сосудах, сделанных Бёттгером, опытный Чирнхаус почувствовал зачатки открытия.

Быстро поднявшись, он схватил красный тигель и взвесил на руке – легкий, твердый. Постучал ногтем – звонкий! «Да это открытие дороже золота! – радостно воскликнул он. – Еще немного – и мы поймем, из чего китайцы делают фарфор!»

Открытие ошеломило курфюрста. Он станет богаче всех в Европе, продавая фарфор! Следовало заставить узника замка Альбрехтсбург работать быстрее и усерднее. И потому Бёттгера перевели из подвального помещения в жилые покои.

Ему даже разрешили выходить в город. Однако до реального создания фарфора было еще далеко, ведь глина была красной, ей не хватало плавкости: при обжиге она превращалась не в стекловидную массу, а скорее в сухой камень. Глину следовало с чем-то смешать – но с чем?..

Бёттгер впал в отчаяние. К тому же его ждал новый удар – в 1708 году умер его покровитель, граф Чирнхаус, заступавшийся за него перед курфюрстом. И уже никем не сдерживаемый правитель начал яростно требовать окончания работ. Бёттгер потерял сон, но ничего не мог придумать. Разгадку подсказала сама жизнь. Однажды Иоганн отправился в парикмахерскую, и там мастер посыпал его парик белой пудрой. Бёттгер потрогал пудру – она лепилась в шарики, как глина. «Что это?» – спросил он.

Парикмахер, задрожав, признался: он сэкономил на клиенте – посыпал его волосы не дорогой французской пудрой, а так называемой шноррской землей. Оказалось, что еще лет десять назад купец Шнорр по дороге из Дрездена в местечко Ауэ заметил, что вся округа засыпана белой пылью, похожей на муку. Оказалось, что ветер разносит по округе мельчайшие частички белой глины. Купец быстро смекнул, что может разбогатеть, если наладит продажу этой «муки» вместо дорогущей французской пудры.

Бёттгер не стал дальше слушать парикмахера, кинувшись на поиски белой глины. Она оказалась пригодной для работы. Для плавкости он добавил в нее кварц и алебастр. К концу 1708 года опыты были закончены, и в марте 1709 года 27-летний Иоганн Фридрих Бёттгер предстал перед научной комиссией, которой курфюрст Саксонии поручил оценить работу придворного алхимика, а вернее, первого в Европе создателя фарфора. Беттгер представил шесть чашек – белых, легчайших, почти прозрачных. Они были прочны, устойчивы к кипятку и издавали приятный звон, если по ним постучать деревянной палочкой. К тому же поверхность их была твердой и гладкой – ее не царапал даже острый нож.

Ученые мужи составили заключение, в котором чувствовалось явное восхищение: «Иоганн Бёттгер показал нам сделанный им фарфор: полупрозрачный, молочно-белый, подобный цветку лотоса…» Словом, сей фарфор ничем не уступал китайскому.

В Мейсене решено было наладить производство, основная лаборатория по-прежнему размещалась в замке Альбрехтсбург. В 1710 году фарфоровую продукцию показали на Лейпцигской весенней ярмарке, где собирались покупатели со всей Европы. Там мейсенский фарфор произвел фурор. Конечно, он был необычайно дорог, и приобрести фарфоровые посуду, вазы и фигурки могли только самые богатые люди. Обладание же целым сервизом могли позволить себе только монархи. Словом, в казну Фридриха-Августа потекли реки золота. Сам же создатель этого «золота» просто падал с ног: устанавливал новые печи, нанимал и обучал рабочих.

Производство было объявлено строжайшей тайной. Все поступающие работать на фарфоровую мануфактуру давали клятву хранить ее секреты. За разглашение полагалась смертная казнь. Были приняты и другие меры: те, кто готовил фарфоровую массу, не знали, как работают печи, те, кто занимался обжигом, не имели представления о сырье. Ну а три главных составляющих фарфоровой тайны (белая глина – каолин, добавки для плавкости и температура обжига) знали только три человека: сам Бёттгер и два его заместителя.

Отец европейского фарфора наконец-то получил что хотел – богатство и признание. Курфюрст щедро платил ему, так что Бёттгер жил в роскоши и достатке, но… За ним всегда наблюдали, а если он выезжал в Дрезден, слежка усиливалась. Курфюрст не доверял никому. Хуже того, ему везде виделись шпионы и доносчики. Он даже предположил, что Бёттгер хочет продать тайну изготовления фарфора своему бывшему властителю – королю Пруссии. Это была явная нелепость, но беднягу Бёттгера на несколько недель бросили в тюрьму. Однако в его отсутствие производство на Мейсенской мануфактуре застопорилось, так что Иоганна пришлось выпустить.

Он руководил мануфактурой до самой смерти, последовавшей 13 марта 1719 года. Изобретателю-самоучке было всего 37 лет. Что ж, как известно, в этом возрасте землю покидают гении.

Уже спустя шесть лет, в 1725 году, на мейсенский фарфор начали наносить его «личное клеймо» – синие скрещенные мечи. Под этой маркой он и известен в наше время. И между прочим, это была единственная в Европе мануфактура фарфора, до тех пор пока в 1756 году во Франции деятельная маркиза Помпадур не создала Севрскую Королевскую фарфоровую мануфактуру. В замке Альбрехтсбург теперь располагается музей фарфора.

Кремлевские тайны Конана-варвара

Истории таинственных сокровищ всегда будоражат воображение. Но эта загадка по-своему уникальна, ибо имеет развязку как в реальном, так и в виртуальном мире.

Все началось осенью 1718 года. Место действия – Москва, Преображенский государев приказ. Главный герой – Конан (по-иному Конон) Осипов, пономарь церкви Иоанна Предтечи, что на Пресне. Несколько раз сей тощий пономарь пытался прорваться к главе приказа, объясняя свое дело большой важностью. Но видно, и в те времена чиновничий люд не стремился к разговорам с просителями. Стража просто выбрасывала настырного Осипова вон, а однажды даже побила. Вот тогда-то пономарь и не стерпел – гаркнул прилюдно: «Государево слово и дело!» Такой клич означал уже не личную нужду, а дело государевой важности. И потому стражники не посмели вновь выгнать Конана, а пропустили к царю – пусть разбирается. В конце концов, если настырный пономарь соврал и дело его не важно для государя, могут и на дыбу вздернуть, язык вырвать или глаза выколоть.

Спасская башня Московского Кремля

Однако у Осипова нашлись веские доказательства для употребления тайного клича. Причем такие, что простого пономаря тут же отвезли в дом князей Ромодановских, где в то время гостил самый влиятельный представитель этого старинного рода – личный друг самого императора Петра I, глава Сыскного приказа И.Ф. Ромодановский, приехавший из Петербурга.

Хитрый пономарь речь повел исподволь. Объяснил, что по долгу церковной службы частенько сталкивается с историями, всплывающими на исповеди того или иного высокопо-

ставленного прихожанина. Конечно, пономарь – не священник, но и у него есть уши. Вот и услышал он как-то сбивчивое повествование бывшего дьяка приказа Большой казны Василия Макарова. Тот рассказывал о каком-то старинном тайнике в подземельях Московского Кремля. Деньги там, видать, немалые. Ну а нынче все понимают, что молодое государство Петрово остро нуждается в средствах, вот Конан и решил рассказать, что узнал.

Ромодановский только хмыкнул. Кажись, дело скучное – обычный донос или, того хуже, выдумка. Но следующее имя, произнесенное Осиповым, заставило князя прислушаться. «Речь идет о мятежной царевне Софье!» – выдохнул пономарь. Князь напрягся. Опальная старшая сестрица императора Петра I, правившая 7 лет – с 1682 по 1689 год, – до сих пор считалась «персоной вражьей», хотя ее уж давно и на свете не было.

«Это случилось в первый год ее правления, – начал объяснять Осипов. – Дьяк Василий Макаров в то время занимал в Большой казне одно из высших мест. И вызвала его царевна Софья: повелела пойти с проверкой в тайное подземелье. Шел он через весь Кремль секретным подземным ходом от Тайницкой башни до Собакиной, она же Арсенальная Угловая. Ход был древний, осыпавшийся. Софья лично проинструктировала Макарова, где, как и куда сворачивать. Доверяла, значит. И дьяк доверие оправдал. Перекрестился три раза у входа, положился на милость Божью и шагнул в темный, осыпающийся проход. Освещая путь потрескивающим факелом, пробрался под Благовещенским собором, потом под Грановитой палатой. А дальше увидел справа две черных толстенных железных двери, запертые на тяжелые висячие замки, а поперек дверей – наверчены цепи железные. Открывать замки дьяку не было приказано, а велено было поступить по-другому: посветить свечой в оконца, вырубленные около каждой двери. Оконца те забраны были железными решетками, но коли всунуть через решетки свечу, станет видно, что внутри. Макаров так и сделал, да и обомлел. За каждой дверью оказалось по каменной палате, и обе заставлены сундуками аж под самые своды. Вокруг – вековая пыль, так что ясно: к ним давно уже не притрагивались. На сундуках – замки и смутно белеющие огромные восковые печати – все нетронутые. Словом, царский тайник в целости и сохранности».

«Ну а что могло бы там храниться? – уставился Конан на князя Ромодановского победным взором. – Ясно, богатства несметные, веками накопленные. Вот бы добраться до тайника да вынуть сокровища!»

Ромодановский снова хмыкнул: «А тебе, конечно, десятину, которая наводчику полагается! А вдруг там не золото с бриллиантами, а одежонка ненужная или книги старые, ветхие? Вроде потерянной библиотеки царя Ивана Грозного, коя называлась Либерией?» Конан только плечами пожал: «Что ж, может, я стану спасителем сей Либерии?»

В октябре 1718 года начались поиски. Ромодановский дал Осипову в помощь подьячего Петра Чичерина и повелел кремлевским дьякам оказать нужную помощь. По тем временам – приказ серьезный. И поиски начались споро. Да так же быстро и закончились. Вот как описывает это историк того времени:

«И оный подьячий тот вход осмотрел и донес им, дьякам, что такой выход есть, токмо засыпан землею. И дали ему капитана и 19 солдат, и оный тайник обрыли и две лестницы обчистили, но стала земля валиться сверху. И оный капитан… послал записку (без бумаги наверх и в те времена было никак не обойтись! – *Авт.*), чтоб подвесть под той землею доски, чтобы тою землей людей не засыпало. И дьяки людей не дали и далее идти не велели, и по сию пору все не исследовано».

Как же так?! А приказ Ромодановского, неужто его ослушались? Увы… Просто глава Сыскного приказа к тому времени уехал в Петербург. Там кипит жизнь и совершаются великие государственные дела. Ну а москвичи – народ спокойный да медленный. Тут своя политика: меньше знаешь – крепче спишь. А скорее – дольше живешь. Наверное, это и втолковали наконец Конану Осипову, который еще пару раз порывался искать сокровища. Ну

а чтобы больше не пытался – вынудили его уехать из Москвы. Так и сгинул любопытный Конан невесть где.

Век никто не интересовался тайными сокровищами кремлевских подвалов. Но вот в роковой 1812 год в Москву пожаловали незваные французы. Наполеон, склонный к разным загадочным историям, прознал про давний рассказ о «макарьевских сундуках» и начал их поиски. Да только раз уж тайник своим не дался, то куда до него французам! У них быстро нашлось более важное дело – отступать обратно. Вновь про рассказ Конана Осипова вспомнили только летом 1894 года, когда исследованиями подземелий Кремля занялся сиятельный любитель старины князь Н.С. Щербатов. Но и ему не хватило денег на раскопки. Хоть князь и сумел организовать расчистку нескольких тайных ходов, но к «макарьевским сундукам» не пробился.

Больше повезло российскому историку, археологу И.Я. Стеллецкому. Он изучал подземелья Кремля еще с 1908 года, свято поверив в существование некогда потерянной библиотеки Ивана Грозного. Впрочем, и от других находок он бы не отказался. Стеллецкий начал быстрые и успешные раскопки в 1914 году, но их остановила Первая мировая война. Словно сама История с большой буквы не позволяла раскрывать тайны Кремля. Но неугомонный Стеллецкий от мечты не отказался и после Октябрьской революции начал забрасывать письмами Моссовет, ЦИК, Совнарком. Бесстрашно обратился, наконец, к самому Сталину. И отец народов дал добро. 1 декабря 1933 года Стеллецкий с бригадой рабочих из Управления коменданта Московского Кремля начал раскопки под Угловой Арсенальной (Собакиной) башней.

В первые же дни случились радостные открытия: оказалось, свод тайного хода не поврежден, он просто заложен белокаменными глыбами на крепчайшем растворе. Когда замуровку проломили на полтора метра, открылся более узкий проход, в конце его лестница, потом сводчатые арки, снова ходы. В одном из таких ответвлений ученый и признал тот самый тайный ход, ведущий к «макарьевским сундукам». Тут, как и полагается, состоялось заседание специальной комиссии, куда входили представители комендатуры Кремля, директор Оружейной палаты В. Клейн и виднейшие архитекторы А. Щусев и Н. Виноградов. Комиссия дала добро на дальнейшие работы, но… в Кремль Стеллецкого больше не впустили. Ему просто не выдали пропуск, ничего не объясняя. Подземелья же вообще замуровали. Чистая мистика!

Впрочем, были и реальные объяснения. Одни ученые считали, что всему повредило убийство С.М. Кирова – все хоть в чем-то сомнительные дела были прикрыты. Другие напоминали, что работы не совсем свернули. Просто всем видимые раскопки оказались прекращены. Но возникла небольшая группа «поисковых специалистов», которые работали тайно, привлекая в качестве рабочей силы солдат-срочников. И потому немудрено, что часть современных исследователей считает, что советские спецы все же пробились к сундукам, о которых рассказывал Конан Осипов. Что же сталось с сокровищами? Как пишет известный историк-кладоискатель: «Они были использованы по прямому назначению. Иными словами, они теперь украшают чей-то скромный, но почти царский быт».

Поразительно иное: исчезнув с реального горизонта, «сокровища Конана» неожиданно появились в мире виртуальном. Виной всему оказался молодой американский писатель Роберт Ирвин Говард. С 1932 года он начал сочинять истории о легендарном Конане-варваре. Впрочем, вначале этот персонаж не произвел фурора, зато к концу XX века каждый землянин уже знал о приключениях легендарного Конана в его волшебно-виртуальном, кинематографическом и компьютерном, мире. И знаете, что самое поразительное? Вначале Говард назвал своего героя «спасатель», что звучало как Конан-осиа (от древнееврейского – «спасать»). Ну прямо – Конан Осипов! Вот и не верь после этого во взаимопроникновение реального и вымышленного миров… Особенно если вспомнить, что в одной из историй бесстрашный

Конан спасает прекрасную принцессу, заточенную свирепым братом в Красную башню (не напоминает вражду Софьи и Петра?). И между прочим, принцесса посылает своего мужественного спасителя в подземелье, где в тайных сундуках хранятся ее сокровища. В начале XXI века рассказ перевели в компьютерную игру – и вот до сих пор народ увлеченно бродит по подземельям в поисках кладов. Так, может, уже не важно, есть ли тайник в реальности – в виртуальном мире каждый найдет свои сокровища…

Всадник над городом

Эта скульптура – символ города на Неве. Петербуржцы даже дали памятнику имя собственное – одновременно романтическое и мистически-устрашающее – Медный всадник. Он является и хранителем города и его проклятьем. Но ведь и сам Петр Великий считается и реформатором Руси и одним из ее могильщиков. Известно, что Пушкин считал Медного всадника болваном, великаном, чья пята попирает беззащитный город, писатели и поэты Серебряного века видели в Медном всаднике мистическое олицетворение ужаса Северной столицы.

Однако простые горожане искренне верили, что бронзовый царь бережет свой великий город. Историки рассказывают, что, когда в 1812 году Петербургу грозила опасность захвата наполеоновскими войсками, император Александр I решил уберечь главные святыни города, и в первую очередь легендарный памятник Петру. Уже был отдан приказ вывезти скульптуру в Вологодскую губернию, но неожиданно князь Голицын пересказал Александру сон, который неотвязно преследовал его друга, майора Бутурлина. Тому снится, что стоит он на Сенатской площади и слышит голос ожившего Петра Великого: «Покуда я на месте, моему городу нечего опасаться!»

Медный всадник

Рассказ об этом сне так поразил Александра, что Медного всадника решено было оставить в городе. И Наполеон туда даже не пошел!

Однако у противников памятника есть и другая легенда. По преданию, именно бронзовый Петр виноват в наводнениях, которые регулярно обрушиваются на город. Ведь жестокосердный правитель считает, что потомки не достойны его реформ. Одно из таких наводнений, 7 ноября 1824 года, вдохновило Пушкина на написание его бессмертной поэмы «Медный всадник», где Петр, а вместе с ним и всадник изображены весьма нелицеприятно. Что ж, тогда весь центр Петербурга оказался поглощен яростным водоворотом бушующей стихии. Люди гибли. А холодный бронзовый истукан бесстрастно наблюдал за страданиями своего народа…

Вот уже много веков люди переносят на Медного всадника свое отношение к власти, ведь Петербург вплоть до 1918 года был столицей Российской империи. А власть беззаконна и безжалостна к простым людям, не обладающим богатством и нужными связями.

Недаром Достоевский горестно писал: «Мне сто раз среди этого тумана задавалась странная навязчивая греза: «А что как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли вместе с ним и весь этот гнилой, склизлый город, поднимется с туманом и исчезнет, как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красы, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?»

Что ж, отношение Достоевского понятно. Однако показательно: даже мечтая об исчезновении «гнилого города», чуткий к истинной красоте писатель считает, что Медный всадник должен остаться на века. Ибо он не просто воплощение царя, который «Россию поднял на дыбы», но и величайшее произведение искусства. И у него есть собственные тайны создания…

Скульптор Этьен Морис Фальконе (1716–1791) приехал в Россию в 1766 году по рекомендации самого философа Дидро. Тот считал Фальконе лучшим скульптором Франции и полагал: «Месье Фальконе больше всех подойдет для вашего грандиозного замысла – поставить достойнейший памятник великому государю Петру». Действительно, к тому времени скульптор снискал европейскую славу. Уже одна из первых его работ – «Милон Кротонский» на античный сюжет – произвела в Париже фурор. Сама маркиза Помпадур, всесильная фаворитка короля Людовика XV, обратила внимание на талант Фальконе. Впоследствии по ее заказу он создал немало изящных скульптур – «Грозящего Амура», «Купальщицу», «Пигмалиона и Галатею», множество моделей статуэток для знаменитой севрской фарфоровой мануфактуры, которую возглавлял почти 10 лет. И всегда был успех! Но вот, представив на суд императрице Екатерине II модель памятника Петру I, Фальконе по нахмуренным бровям правительницы понял, что не достиг взаимопонимания. Дело в том, что скульптор видел будущий памятник как символ самодержца: Петр I должен стоять на высокой колонне посреди большой площади, чтобы все проходящие могли перед ним снимать шляпы. Но Екатерина хотела от памятника иного. «Русскому императору не нужно, чтобы перед ним снимали шляпу, как перед простым бюргером! – вспыхнула Екатерина. – Петр был реформатором, полководцем, любимцем Фортуны. Он должен представать перед подданными на коне, как римский император!»

Когда скульптор наконец выбрался из лабиринтов Зимнего дворца, в голове у него шумело. Эта властительница знает, чего хочет! Теперь и сам скульптор понимал, что был дураком, замыслив почтенного правителя, перед которым снимают шляпы подданные… Может, в каком-нибудь немецком городе зеваки и пришли бы в восторг от такой идеи, но не в бурном, динамичном, непредсказуемом Петербурге. Здесь все огромное, шумное, взвихренное, как метель, и непонятно грандиозное, как стихии природы. Конечно, Екатерина права: Петр был неукротимым и дерзким реформатором, обладал железной волей, построил не только этот город, но и возродил всю свою страну. Но как изобразить такого?..

Фальконе удивленно оглянулся: куда он попал, выйдя из дворца? В тусклом свете подъездного фонаря блестит мокрый гранит Дворцовой набережной. Где-то впереди глухо ревет и пугающе пенится вздымающаяся Нева. Говорят, что в бурную полночь свирепый ветер гонит волны залива обратно и река течет вспять. Мистика какая-то! Сноп холодных брызг окатил скульптора. Порыв ветра чуть не снес шляпу. В круге прорвавшейся сквозь туман луны Фальконе вдруг увидел громадного темного всадника, осадившего огромного коня прямо перед гранитным парапетом. Миг – и призрачный незнакомец прыгнул на другой берег реки. Фальконе ахнул: Нева не крохотная речушка, ее нельзя перепрыгнуть даже на самой громадной лошади!.. Неужели он увидел одно из тех легендарных привидений, о которых, крестясь, шепчутся петербуржцы?..

Сердце Фальконе сжалось от леденящего ужаса, и, не разбирая дороги, он кинулся назад ко дворцу. Как добежал, как нашел свою карету, как доехал до дому – не помнил. Очнулся уже в собственной гостиной, где его помощница и ученица Мари Калло хлопот-

ливо начала отпаивать его чаем. Плеснула в чашку привезенный из Франции дорогой коньяк, заставила выпить залпом. И только когда огненная жидкость обожгла горло, Фальконе пришел в себя и сбивчиво рассказал о таинственном всаднике.

– А ведь это знаковая встреча! – ахнула Калло. – Вы увидели призрак самого Петра. Да-да! Слуги часто рассказывают, что Петербург – призрачное место. Говорят, что именно на Дворцовой набережной часто появляется императорский призрак. Выезжает на горячем коне и, словно гордясь построенным градом, кричит: «Все – Божье и мое!» И перепрыгивает реку. Потом кричит с другого берега: «Все – Божье и мое!» И снова возвращается ко дворцу. Говорят, что так бывало и при жизни царя. Но вот однажды, как гласит предание, он возгордился и крикнул, забыв о Боге: «Все мое!» И тут же, сорвавшись, упал в реку. Простыл в ледяной воде да и помер.

– Путают слуги что-то. – Фальконе поднялся из-за стола. – Петр действительно умер от простуды, но прыгнул в ледяную воду, спасая своих матросов. Великий и милосердный был царь…

Ночью Фальконе проснулся от того, что огромная белая луна заглядывала в окно. Он забыл задернуть и шторы и полог кровати. В воображении снова ожила призрачная картина: могучий всадник поднимает на дыбы громадного коня. Вот так когда-то Петр Великий поднял на дыбы всю старую Русь. Вот таким его и надо изваять – в едином порыве, едином движении. И пусть царь не держит никакого жезла – напротив, пусть огромная и мощная рука Петра-защитника прикрывает город от всех напастей.

А постамент?.. Фальконе словно прозрел: никаких колонн! Постаментом должен быть огромнейший камень, ведь само имя Петр в переводе с греческого означает каменную глыбу. И камень этот должен быть похож то ли на вершину скалы, то ли на гребень могучих невских волн.

Все нашлось, и даже камень – не изысканный мрамор, а мощный, грубый, полный природной силы гранит. Его искали по всей стране. Нашли неожиданно близко – в деревне Конная Лахта под Петербургом. Осенью 1768 года крестьянин Семен Вишняков сообщил, что в окрестностях деревни издревле лежит гранитная глыба, на которую, по преданию, во времена Северной войны поднимался сам Петр Великий, дабы обозреть местность. Тогда неожиданно началась гроза, в каменную гряду ударила молния. Однако государь не пострадал и даже зашелся хриплым смехом: «Меня Бог бережет!» А вот на граните осталась черная отметина, с тех пор глыбу и величают «Гром-камень».

Тащили глыбу весом 1600 тонн, длиной 44 фута, шириной – 22, а высотой – 27 футов с чисто русской гениальной смекалкой: огромную деревянную платформу взгромоздили по желобам на железные рельсы, а чтобы облегчить скольжение, подкладывали под тяжеленную платформу бронзовые шары. Катили, конечно, трудно и долго: 400 человек больше полугода. Сэкономили и время: пока катили по дороге, и обтесывали. На Финском заливе погрузили на специальную баржу. Когда же, наконец, доставили в Петербург, Екатерина приказала выбить памятную медаль со словами «Дерзновению подобно» и наградить участников.

Настало время переводить модель в натуральную величину. Но тут выяснилось, что портрет Петра не нравится Екатерине. Выручила Мари Калло – изваяла дерзновенный лик владыки, в глазах которого сверкала молния.

Государыня пришла в восторг. Памятника столь грандиозного масштаба не было во всем мире. Мастер виртуозно преодолел все технические сложности: его конь, поднявшийся на дыбы, имел всего две точки опоры, две другие опоры скульптор провел через хвост коня и змею, которую конь топчет. Такое решение было революционным.

Через четыре года, 7 августа 1782-го, в Петербурге при огромном скоплении народа на Сенатской площади состоялось грандиозное действо. Екатерина II появилась на балконе

Сената в парадном платье. Тысячи горожан встретили государыню ликующими возгласами. Все деятели культуры толпились в первых рядах. И только создателя монумента, скульптора Фальконе, пригласить на открытие из Франции не соизволили. О нем вообще предпочитали не вспоминать. Да и к чему, если на памятнике красовалась надпись: «Петру Первому – Екатерина Вторая»?! Императрица желала быть единственной хозяйкой праздника. Ведь это она, а не кто другой, воздала почести великому владыке. Он был первым, а она стала второй. Значит, тоже – великой…

Когда новость дошла до Парижа, Фальконе занемог. Вскоре его разбил паралич, и больше восьми лет он пролежал без движения. И только верная ученица Мари умела понимать его. 24 января 1791 года он умер на ее руках.

А бронзовый всадник, которого, с легкой руки Пушкина, стали называть Медным, стоит, возвышаясь над своим великим городом. Одни считают его проклятием, виноватым в бедах Петербурга. Другие, однако, верят, что он – защитник города, простирающий над ним свою охранительную длань. Но все сходятся в одном: пока стоит над Невой Медный всадник, Петербург будет жить. Недаром же монумент не вывозили из города даже во время Великой Отечественной войны. Вместе с жителями Ленинграда он пережил блокаду и страшные смертельные зимы. И неудивительно, что, когда после блокады всадника освободили из-под укрывавших его мешков с песком и досок, на камне оказалась нарисованная мелом медаль «За оборону Ленинграда». Великий Петр защищал свой великий город.

Дом семи чертей

Прага – город старинный и мистический. И странных мест там множество. Ну а самый невероятный и таинственный дом носит совершенно мистическое название – Дом семи чертей или Дом у семи чертей. Это уж кому как хочется.

Говорят, в своем доме и стены помогают. Так что именно к ним и стоит относиться внимательнее. Вот почему преуспевающий адвокат Вацлав Немцов, купивший в 1820-х годах двухэтажный дом на Мальтезской площади в Праге, с особым вниманием выслушал последний пункт в купчей бумаге:

«Никогда и ни при каких обстоятельствах ничего не прислонять к стенам: ни мебель, ни напольные вещи и прочее, не вешать ни ковров, ни часов, ни картин и так далее, не вбивая ни одного гвоздя».

Странный уговор? Но при соблюдении его владелец пан Страков продавал дом чуть не вдвое дешевле. Семейство Страковых, старинный дворянский род, владело этим домом уже два столетия. Но вот обеднели, и нынешний владелец решил продать дом, хоть и со странным условием. Впрочем, практичный покупатель, адвокат Немцов, купил не удивляясь. Чего не сделаешь, коли цену снижают вдвое! А если у пана Стракова такие странные условия, то ведь запрос не бьет в нос. А вот цена-то падает – и замечательно. Да при такой стоимости можно пообещать жить вообще не прислоняясь ни к одной стене. Да и кому надо отираться о стены?!

В 1859 году после смерти Вацлава Немцова дом перешел к его 40-летней дочери – незамужней пани Алоизе. Чтобы на что-то жить, она начала сдавать комнаты. Но от постояльцев требовала соблюдения все того же неукоснительного правила: к стенам ничего не придвигать и ничего на них не вешать.

Жильцы протестовали против такой странности, но уйти не могли – хитрая дочь адвоката брала плату вперед. А потом постояльцы заметили странное: всех, кто хоть пару месяцев проживал в доме, охватывала неодолимая страсть к рисованию. Надо сказать, что и адвокат Немцов в свое время баловался живописью, и пани Алоиза марала бумагу акварелью.

А однажды в доме поселился профессиональный художник. Так ему вообще житья не стало – другие постояльцы то и дело несли ему свои работы и просили совета. В конце концов художник сорвался и высказал свое мнение всем разом: «Вы – бездари!» И тогда соседи устроили ему бойкот.

«Это не дом, а логово нечистой силы! Тут живут упыри, вытягивающие из меня все соки!» – возопил живописец и съехал на другую квартиру. Но соседям отомстить все же успел: за ночь до отъезда нарисовал на каждой из шести колонн здания по черту, а под дверным гербом написал: «Дом у семи чертей», подразумевая, что седьмой черт – сама сумасшедшая хозяйка.

Бедная пани Немцова стала посмешищем всей Праги и потому не смогла продать дом, а, умирая, завещала его больнице ордена Серых сестер, но на все тех же странных условиях. Сестры не нарушили ее завета, однако дом ветшал, и со временем им пришлось начать ремонт.

Выяснилось потрясающее: у дома оказались двойные стены, а за ними – прекрасные старинные фрески работы известного швейцарского художника рубежа XVII–XVIII веков Яна Рудольфа Бисе, который некогда прятался в пражском доме дворянина Яна Петера Стракова от ретивой инквизиции и в награду за помощь расписал стены дома своего спасителя.

Дальновидный пан Страков, опасаясь за собственное благополучие, все же спрятал фрески, но вот отнять у стен дома тяги к живописи уже не смог: вот всех, кто жил в «доме художника», и охватывала страсть к рисованию. Но может, в этом и нет ничего плохого?..

Роковая ночь

17 декабря 1837 года в Санкт-Петербурге было почти праздничным днем. В столице гастролировала всемирно известная балетная прима – Мария Тальони. Вечером в Большом петербургском театре она танцевала свою звездную партию – Баядерку в балете «Бог и баядера». На спектакле присутствовал сам император Николай I с супругой и наследником-цесаревичем Александром.

Балет был уже в разгаре, когда внезапно в царскую ложу вошел дежурный флигель-адъютант и, не спросив по этикету прощения у императрицы, зашептал что-то прямо на ухо самому Николаю I. Тот изменился в лице и тут же вышел из ложи. Императрица обернулась к личной охране: «Что стряслось?» – «Кажется, что-то горит в Зимнем, ваше величество!» – обтекаемо прозвучал ответ.

На самом деле дворец пылал. Это было видно уже на пути, пока сани императора скользили к Зимнему. Адъютант торопливо проговорил: «В Зимнем загорелась сажа в печной трубе, которая проходит между залами Петра Великого и Фельдмаршальской. А трубу, как на грех, заложили отдушником – ну чтоб не дуло, зима ведь! Вот огонь и пополз, но даст бог, пронесет…»

Увы, зрелище было ужасным! Дворец, дрожа, трещал по швам. Пламя уже ползло на крышу. Выбежавшие из дворца люди в страхе кричали, молились, гвардейцы Преображенского и Павловского полков тащили ведра с водой. Побелевший Николай, спрыгнув с саней, перекрестился и вдруг закричал грубым мужицким басом: «Все по местам! Гвардии – выводить людей! Главное – не дворец спасти, главное – люди!»

Не глядя на суетящихся гвардейцев, сам Николай ринулся к боковому входу – на «детскую половину». Отец одержал верх над государем. Николай ворвался в коридор со спальнями младших детей. От испуга он командовал по-армейски: «Все подъем! Марш – в Аничков дворец!» Именно от такого армейского лексикона няньки и гувернеры пришли в себя и, замотав, августейших воспитанников в одеяла, потащили их вон из горящего Зимнего.

Император снова выбежал на Дворцовую площадь и опять заорал: «Выносить что можно! Складывать прямо сюда!» Он ткнул рукой в Александрийский столп, возвышающийся посреди площади, а сам снова отважно ринулся во дворец. Солдаты, обмотавшись мокрыми тряпками, уже мужественно выносили из дворца вещи. И тут на площади появились сани государыни. Выскочив на снег, императрица Александра Федоровна закричала не хуже мужа: «Там моя больная фрейлина Голенищева-Кутузова! Она не ходячая! Пока ее не увижу, не уйду!»

Адъютант с офицерами кинулись к лазаретному крылу и вынесли из дворца больную. И, то ли бросая вызов упрямым спасателям, то ли салютуя их мужеству, над крышей взорвался очередной сноп искр. Площадь перед дворцом наполнялась дворцовым имуществом, которое выносили мужественные спасатели. У Александрийского столпа уже лежали военные знамена, регалии, императорский трон из Георгиевского зала, образа, утварь и обстановка ризницы из дворцовой церкви. Потом площадь заполнилась столами и стульями, картинами и сервизами, люстрами и зеркалами, мраморными статуями и убранством дворцовых покоев.

К полночи спасательные операции стали уже смертельно опасны – Зимний дворец представлял собой сплошное пылающее море огня. «Всем солдатам и офицерам – вон! – скомандовал Николай. – Больше не рисковать!» Но тут к нему пробрались какие-то незнакомые горожане – зрелые бородатые мужики, замотанные в тряпье, облитое водой, будто купались в проруби. «Разреши, государь! Мы – пожарные умельцы», – прогудел главный. Николай махнул рукой: «Только берегитесь!» Мужики ринулись в огонь.

А император уже кричал солдатам: «Всем строить стену!» Потом повернулся к адъютанту и объяснил: «Я велел привезти камень и кирпич. Возведем стену, чтобы огонь не перекинулся на Эрмитаж. Там картины, скульптуры. Дворец можно отстроить заново, а Рафаэля не перепишешь!»

Дворец горел 30 часов – то есть с вечера 17-го до раннего утра 19 декабря. В тушении пожара приняли участие все пожарные команды города и 20 тысяч солдат и офицеров. Погибло 13 человек. Их семьям были назначены достойные пенсии.

На момент пожара в Зимнем находилось почти 5 тысяч человек – придворные, гости, слуги, рабочие, охрана, караульные. Каждый проявил стойкость и мужество. Начальник караула Мирбах, не получив поначалу приказа о выводе своих офицеров, собрал караульных и благословил на почетную смерть. Сам он встал на пост во главе. Видать, судьба – сгореть заживо. Но никто не впал в панику и не бежал. Правда, спаслись все – приказ покинуть пост пришел вовремя.

Служащие Эрмитажа не по приказу, а по личному выбору ринулись в огонь спасать галерею портретов героев 1812 года, написанных некогда знаменитым живописцем Герардом Доу. Там же висел и «Георгий Победоносец» великого Рафаэля. И портреты, и «Георгия» вынесли из огня в числе первых.

Спасенные вещи три дня лежали вокруг Зимнего дворца. Но никто ничего не украл ни из обстановки, ни из ценностей. В страшную роковую ночь народ увидел в Зимнем не дом властителя, а свой собственный главный ДОМ России. А родной дом свят. Его нельзя разворовать и расхитить. Вот почему золотые и серебряные канделябры, драгоценные камни и ювелирные украшения, которые так легко было опустить в карман, вернулись на склад, который организовали для особо ценных вещей в Генеральном штабе. Правда, дотошный историк двора В.М. Глинка сверил все со списком обстановки, вещей и ценной утвари, бывшей в Зимнем. Оказалось, что не хватает некоторых серебряных вилок с ложками и бочонков вина. Об этом написали в газетах. Петербург ахнул: неужто в такую роковую ночь город не выстоял испытания и совершил грех кражи?! Но через пару дней столовое серебро нашлось внутри свернутых гардин, ну а вином оказались залиты ступени подвала – видно, бочки лопнули от пожара.

Однако одна пропажа все-таки была – тарелка из парадного императорского сервиза. Ее искали всем городом. Она нашлась только весной. Сошел снег, и лошадь одного из кучеров наступила на нечто хрупкое прямо на Невском проспекте. Это и оказалась тарелка. Кучер принес осколки злополучной тарелки на склад Генерального штаба. Дотошный историк Глинка проставил галочку – все на месте.

Город недолго взирал на чудовищные остовы здания, некогда возведенного великим архитектором Растрелли. Еще воздух не очистился от ужасного смрада, дыма и чада тлеющих обломков, а уже начались работы по восстановлению дворца. Архитектору В. Стасову была поручена наружная отделка, архитектору А. Брюллову (брату знаменитого художника) – внутренняя. По 8 тысяч строителей ежедневно трудились на восстановительных работах. Зато уже через год с небольшим, на Пасху 1839-го, Зимний дворец, как птица феникс, возник из руин еще краше, чем был.

Осталась только одна загадка. В ту же самую роковую зиму 1837/38 года страшный пожар случился не только в Петербурге, но и в Лондоне, и в Париже. В ночь с 10 на 11 января сгорела Лондонская биржа. А в Париже в январе вспыхнул театр «Опера-комик». «Не есть ли это знамение? – восклицал известный историк-писатель Погодин. – Три главных народа лишились в одно время тех предметов, которые были для них всего на свете дороже: жилище царское для русского, биржа для англичанина и театр для француза. Слабое человечество! Тебе подаются знаки, но нет к ним ключа у тебя…»

Действительно, что символизировал этот тройной пожар? Судьба показывала, что от блеска до мрака, от счастья до трагедии – один шаг? Или предупреждала: то, на что вы возлагаете надежды, хрупко, готово сгинуть вмиг? Действительно, французы видели счастье в наслаждениях во что бы то ни стало, англичане – в том, чтобы иметь как можно больше денег, ну а россияне верили в царя-батюшку и непогрешимость его власти. Но все не вечно. Развлечения проходят, деньги уходят, а царская власть ведет к революциям…

Возрождение во времени, или Обман веков

Как приходят замыслы к художникам? Кто знает – это дело тайное. Но вот замыслы итальянского скульптора Алчео Доссена явились в мир самым невероятным образом, возможно, самым загадочным в истории искусства.

В тот летний день 1915 года в мастерской Алчео Доссена было душно и жарко. Камнерез с утра долбил камень – вырезал очередной барельеф для оконного карниза. Год назад в Риме началась мода на украшение домов такими поделками, вот Доссена и старался. Но сегодня, то ли из-за духоты, то ли от того, что Алчео был сыт по горло дешевыми поделками, работа продвигалась туго. Резчик задыхался от каменной пыли, плотной завесой покрывавшей крошечную мастерскую. Голова его закружилась, перед глазами поплыли разноцветные круги, и в их завораживающем свете камнерез вдруг увидел прямо перед собой мужчину, одетого по моде далекой эпохи Возрождения…

Камнерез попытался встать – надо же хоть смахнуть пыль со стула, если вдруг этот странный господин в дорогом, расшитом золотом старинном платье решит присесть. Но голова кружилась, и встать Доссена не мог. Зато незнакомец с любопытством огляделся, потрогал пальцем надрезы на камне и повернулся к резчику: «Я – Симоне Мартини, живописец. Мы, конечно, незнакомы, ведь я жил 600 лет назад, но вы видели мои картины». Доссена ахнул – да он всю жизнь восторгался Мадоннами этого художника, ставил его выше всех мастеров эпохи Проторенессанса! И, словно отвечая на мысли камнереза, Мартини сказал: «Я рисовал своих Мадонн с красавицы Лауры, возлюбленной поэта Петрарки. Я написал и портрет самой Лауры, но он погиб, как и многие мои картины. Вот если бы я ваял из камня – мои работы были бы живы. Ведь камень может пройти сквозь время…»

Алчео очнулся и замотал головой. Какие странные видения возникают в этой духоте – так недолго сойти с ума! Надо выйти из дому, проветрить голову. Но на римских улицах было немногим лучше – от палящего солнца, казалось, плавился сам воздух. Одна надежда на музеи, ведь там поддерживается определенная температура. Может, там не будет так жарко?

В первом же попавшемся музее Алчео наткнулся на изысканно красивую грустную «Мадонну» Симоне Мартини. Резчика поразила рельефность ее форм – казалось, фигура выступает из картины. Да она просто просилась быть изваянной из мрамора!

Домой Доссена вернулся с великими замыслами. Хватит ковырять резцом дешевые поделки – пора стать не камнерезом, а скульптором! И начнет он со скульптур, которые не сумел создать Симоне Мартини.

Мадонна!.. Алчео схватился за голову – никакой Мартини не мог прийти к нему в мастерскую! Путешествия из XIV века в XX невозможны. Но если художник не доделал что-то при жизни, разве не мог он попросить другого закончить работу?..

В заброшенных каменоломнях Доссена выискал подходящие блоки старинного мрамора. На окраине Рима приспособил сарай под мастерскую. Тщательно изучил картины Мартини и скульптуры его времени. Почти год кропотливо овладевал резцовой техникой, которой со времен Возрождения уже не пользовались. Наконец появилась первая беломраморная «Мадонна с Христом». За ней последовал целый цикл «ваяний Симоне Мартини». Это было поразительно! Сначала Алчео брал в руки уголь, еще не зная, что будет рисовать. И будто чья-то рука вела его – появлялся четкий и яркий набросок с четырех сторон. Потом Доссена хватался за рубило, в ход шли резцы… Всё – как в тумане. И только когда скульптура оживала под последним взмахом резца, новоявленный скульптор приходил в себя.

После «ваяний Мартини» Алчео Доссена не мог остановиться: он изучал книги о скульптуре Возрождения, колесил по музеям Италии. Однажды увидел несколько деревянных статуй великого Джованни Пизано и два дня не мог заснуть от волнения. А на третью

ночь увидел во сне самого маэстро Джованни. «Мрамор хорош, – сказал Пизано, – но холоден. Фигуру Мадонны лучше создать из живого и теплого дерева!»

Наутро Доссена кинулся искать подходящую древесину, а уже через полгода на свет появились «скульптуры Пизано».

И началось! Целая очередь ваятелей Возрождения одолевала теперь беднягу во сне. То мастер скульптурных саркофагов Мино показывал свои эскизы, то утонченный Якопо да Сангалло торопливо объяснял, что не успел сделать Венеру, то сам хмурый Микеланджело твердил что-то о старом Пане из черного мрамора. Конечно, работать за «самого» Алчео не решился, но вот творения Мино и Сангалло воспроизвести смог.

И однажды в мастерской Доссена появился покупатель. Мелкий торговец барельефами Альфредо Фазоли в изумлении уставился на беломраморную «Мадонну»: «Где ты ее взял? Украл?!» Алчео гордо вскинул голову: «Я сам сделал по картинам Симоне Мартини!» Фазоли обошел скульптуру со всех сторон, пощупал мрамор и выдохнул: «Прилично получилось! Я возьму несколько скульптур на продажу как работы под старину». Алчео вздохнул, погладил беломраморную «Мадонну» и согласился – таким скульптурам нельзя просто стоять в старом сарае – пора выходить к людям!

Уже на другой день предприимчивый Фазоли кинулся к своему приятелю – торговцу Палесси, который имел обширные связи в мире искусств. Осмотрев скульптуры, Палесси предложил простой выход: «Предложим скульптуру в один из музеев Рима. Скажем: это новонайденный Мартини. Напомним, что художник не работал с мрамором, но мечтал. А потом попросим об экспертизе». Фазоли воспротивился: «Если они сделают экспертизу, сразу станет ясно, что это подделка!» Палесси ухмыльнулся: «С чего ты взял? Твой чудак скульптор использовал мрамор из старых каменоломен, резал тоже по старинке. К тому же открытие скульптурной работы Симоне Мартини – сенсация. Какой музей захочет ее упустить?»

И вот «Мадонну с Христом» отправили на художественную экспертизу. И Палесси оказался прав. Семь римских экспертов, тщательно исследовав скульптуру, заявили: «Это работа XIV века. Только мастера Возрождения могли создавать подобные шедевры!» В пересчете на доллары стоимость статуи составила 30 тысяч. Приятели ахнули и понеслись к Алчео. «Твою скульптуру купили как копию старинной работы! – с порога выкрикнул Фазоли. – Так что тебе причитаются хорошие деньги в твердой валюте – 300 долларов!» Доверчивый Доссена пришел в восторг. «Но теперь ты должен подписать с нами контракт на эксклюзивную продажу твоих копий!» – заключил деловой Палесси и протянул заранее заготовленную бумагу. И не подозревающий ни о каком мошенничестве Алчео поставил свою подпись.

По ночам Доссена вновь снились его любимые скульпторы Возрождения. Все сидели в ряд за пышным столом и пили за великие статуи. «Теперь их увидят люди!» – радовался Симоне Мартини. А другие мастера уговаривали Алчео трудиться побыстрее не покладая рук.

Он так и делал. Появились «ваяния» флорентийца Дезидерио да Сеттиньяно, далматинца Франческо Лаураны и даже «подлинные скульптуры Древней Греции эллинистического периода». За семь лет Алчео создал больше тридцати статуй. Работал день и ночь, спал на пыльном матрасе посреди скульптур и почти не выходил из мастерской. Он так и не познал, что торговцы-мошенники продавали его работы в музеи Рима и Берлина, Нью-Йорка и Мюнхена, Бостона и Кливленда. И всегда как подлинные статуи эпохи! Но в 1928 году спрос на старинное искусство резко возрос, и обнаглевшие от бешеной прибыли Фазоли и Палесси прислали Алчео новый контракт, который обязывал скульптора создавать по шесть статуй под старину в год. Скульптор схватился за голову – такой договор, будто сдача в рабство самому Сатане…

С горя скульптор отправился туда, где заливают любую невзгоду, – в пивную. А там вдруг увидел старинного дружка. Тот занимался историей Возрождения и поведал Алчео о новом буме в находке ренессансных статуй, даже подробно описал и статуи и их стоимость. У Доссена голова пошла кругом – это же его работы! Он трудился, света божьего не видя в прямом смысле, а мошенники заработали на нем кругленькую сумму!..

Поразмыслив, скульптор отправился в библиотеку и запросил газеты за последние семь лет. Оказалось, его «Мадонну Джованни Пизано» за астрономическую сумму приобрел музей Кливленда, «Саркофаг Мино» после многочасового аукциона, где цена взлетела до небес, достался музею Бостона, «Греческая девственница» куплена нью-йоркским Метрополитен-музеем. А месяц назад мошенники предложили одну из его скульптур в другой музей Нью-Йорка – Собрание Фрика, да вот только эксперты пожелали выяснить, где итальянцы находят столько старинных творений. И вот агент музея уже плывет на родину Возрождения.

Доссена вздохнул. Если правда раскроется, все станут насмехаться над ренессансными скульпторами: будут говорить, что их работы не стоят и гроша, ведь их может подделать даже простой римский резчик. Нет, такого нельзя допустить. Во всем виноваты только мошенники-торговцы! И Алчео подал судебный иск.

На суде выяснилось невиданное. Да, предприимчивые ловкачи заработали на скульпторе-простофиле больше двух миллионов долларов. Но к ним не может быть предъявлено никаких претензий, поскольку они заплатили Алчео Доссена точно по контракту. Да и музейных покупателей они не надували, ведь «предварительно и чистосердечно» просили каждый музей сделать экспертизу. Разве они виноваты в ее результатах?..

Сам же Доссена, естественно, тоже был не виноват ни в каком мошенничестве. Ведь он продавал торговцам «статуи под старину». К тому же руководитель Бостонского музея заявил, что не намерен убирать прекраснейший «саркофаг Мино» из экспозиции: «Независимо от времени создания он – творение гениального мастера! Разве скульптор виноват, что живет в XX веке?! Его труд достоин находиться рядом с делами рук великих художников!» Римские же эксперты прямо заявили: «Доссена – гений! Он возродил создания из времен Ренессанса!»

Словом, дело закрыли. Доссена вернулся в мастерскую и вновь принялся за привычное дело, ведь еще множество скульпторов Возрождения ждали воплощения своих замыслов. Правда, теперь ему приходилось к каждой статуе прилагать «заверение в подлинности предлагаемой подделки». Работы его не стоили выше 700 долларов, но скульптор относился к этому философски – не многие из его обожаемых гениев Возрождения купались в роскоши. В 1935 году Доссена выпустил «Официальный перечень работ, которые я выполнил по просьбе моих предшественников». И сделал это вовремя – через месяц мастера Возрождения уже встречали его в горнем мире.

К тому времени шумиха вокруг его имени уже утихла. Какие-то музеи постарались поскорее избавиться от работ «непревзойденного мастера подделок» и потихоньку сбыли их через художественные салоны. Другие, как, например, лондонский Музей Виктории и Альберта, оказались прозорливее. Сменив таблички, они дождались, пока цены на работы покойного скульптора стремительно пошли вверх. Так что в наши дни творения Алчео Доссена – это уже, безусловно, произведения искусства. А в начале XXI века в Сиене даже открылась выставка, на которой были показаны работы Алчео Доссена – то ли «величайшего короля подделок», то ли действительно мастера, жившего не в свое время.

Злосчастное поместье

Рассборо-Хаус – одно из известнейших старинных поместий Ирландии. Его называют «поразительным архитектурным памятником XVIII столетия» и «жемчужиной края», включают во все туристические справочники. Вот только, рассказывая о нем, гиды употребляют странные эпитеты: роковое, невероятное, таинственное.

Впрочем, до определенного времени никто особо не распространялся о злополучном Рассборо. Но в 1973 году имя поместья запестрело во всех газетах мира. Весной в Рассборо-Хаус прибыл его новый владелец – баронет Альфред Бейт. Был он уже немолод и счел, что вполне может уйти на покой. Тем более что состояние имел миллионное. Что-то получил от покойного дядюшки – южноафриканского миллионера, в честь которого и был назван. Еще больше заработал сам, ибо занимался продажей алмазов, сначала вместе со знаменитой компанией «Де Бирс», потом самостоятельно. Также его дядюшка вложил часть огромного состояния в картины старинных мастеров, ну а сэр Альфред решил продолжить семейное дело. За долгую жизнь он стал истинным коллекционером – приобрел жемчужины живописи: работы Рембрандта, Хальса, Вермера, Рубенса, Гойи, Тициана и других, всего около трехсот полотен. Он решил создать в Рассборо картинную галерею, открыв поместье для всех желающих. Пусть смотрят!

Картины прибыли в огромных специальных трейлерах. Хозяин в нетерпении не находил себе места на мраморной лестнице Рассборо. Наконец, первую картину, обернутую в мягкую ткань и обвязанную бечевками, рабочие понесли по ступеням в холл. Но бечевка неожиданно лопнула, и показался фрагмент дорогой золоченой рамы.

«Святой Патрик! – раздался резкий шепот дворецкого. – Это – живопись?!» Хозяин обернулся на голос: «Конечно, здесь будет висеть коллекция Бейтов!» Дворецкий побелел как мел: «Но это же Рассборо-Хаус… Здесь не место картинам…» Бейт хмыкнул: «Почему? Здесь антикварная мебель, гобелены и скульптуры. Сам Бог велел повесить сюда картины!» Дворецкий забормотал: «Нельзя! Есть же легенда, сэр… Наше местное предсказание… Я расскажу…»

И вот что услышал изумленный Бейт: оказывается, еще век назад владелец поместья, граф Мидлтаун, поручил местному художнику написать картины для украшения дворцовых залов. Художник работал день и ночь, но картины заказчику не понравились. Не заплатив ни пенни, он велел бросить их в огонь. Возмущенный живописец в сердцах проклял и обидчика, и его поместье: «Пусть ни одна приличная живопись не уживется на стенах Рассборо!» С тех пор замечено: стоило хозяевам приобрести картину какого-нибудь известного живописца, как в дом залезали грабители, а то и вовсе случался пожар и ценная покупка превращалась в гору пепла.

Бейт только скривился, услышав старинную байку. Да он уже принял все меры и от пожара, и от краж! Мало того что на окнах стоят решетки, так везде еще и электронные замки. К тому же коллекция застрахована. Друг сэра Альфреда, почтенный мистер Дагдейл, директор известнейшей страховой компании «Ллойд», лично составил контракт. Так что пусть дворецкий не бледнеет – живописи в Рассборо ничто не угрожает!

Апрельским вечером 1974 года Альфред Бейт и его супруга, леди Клементина, урожденная Митфорд, сидели в малой гостиной, наслаждаясь коллекционным коньяком, полученным из Франции. Обслуживали себя сами, поскольку в доме остался только дворецкий. Слуги же уехали по делам в Дублин. И тут неожиданно пожаловала дочка страховщика – Бриджит Роуз Дагдейл. Бейты не слишком-то жаловали эту странную девицу. Та была «из отвязных»: водила знакомства с какими-то модными «истинными героями Ирландии». Говорили даже, что Бриджит связана с террористами запрещенной Ирландской республикан-

ской армии. Впрочем, что бы ни говорили, не принять дочь почтенного друга-страховщика нельзя. Так что и Бриджит предложили коньяка. Все чокнулись, выпили по рюмочке, и в сознании Бейта наступил провал. Ну а когда он очнулся, то обнаружил себя на кресле связанным, с пластырем на рту. По обе стороны от него сидели также связанные супруга и дворецкий.

Но самое ужасное было в том, что четверо патлатых парней выносили из гостиной картины. Бейт нечленораздельно замычал. И тут же поверх его головы раздалась автоматная очередь. Глаза у Бейта от ужаса полезли на лоб, и он снова отключился. Словом, когда слуги вернулись из Дублина, им пришлось вызывать скорую помощь с полицией. Выяснилось, что отвязная девица, действительно связанная с террористами из Ирландской республиканской армии, подсыпала Бейтам снотворное и впустила сообщников. Те скрутили старика дворецкого и спокойно вынесли из дома 19 полотен, среди которых были работы Вермера, Рубенса и Гойи. Выходит, хоть верь старинной легенде, хоть нет, но картины в Рассборо не прижились…

Правда, Бриджит Дагдейл быстро нашлась вместе с картинами. Оказалось, что полотнами террористы хотели заплатить выкуп за освобождение своих товарищей из тюрьмы. Но фокус не удался, и девице пришлось самой сесть на нары. Бейт снова развесил картины и поставил в поместье передовую сигнализацию: стоит только прикоснуться к рамам, начинает выть сирена. Рассборо открыли для посещения. О старинном проклятье позабыли.

Но в мае 1986 года, когда супруги Бейт пребывали в Лондоне, случилось невероятное. В два часа ночи в Рассборо завыла сирена. Вызванная дежурным охранником полиция прибыла через четыре минуты. Отключила сигнализацию, тщательно обыскала дом, но никого не нашла. Через час, однако, сирена завыла снова. Опять прибыла полиция и убедилась – все картины на месте. Но час спустя опять раздался вой. И тогда охранник решил, раз сигнализация неисправна, выключить ее, а полицию не звать. Вот только к утру обнаружилось, что 18 картин нет на месте. Общая стоимость похищенного приближалась к 100 миллионам долларов!

Бейт объявил огромное вознаграждение. Действия ирландской полиции тут же активизировались, и на одном из пустырей Дублина обнаружился автомобиль, где лежали семь похищенных полотен. Но самые дорогие пропали: опять же Вермер, Рубенс и Гойя. Дело получило международный резонанс. Пришлось подключить знаменитый лондонский Скотленд-Ярд во главе с шефом художественно-антикварного отдела Чарльзом Хиллом. Но и тому не отыскать бы пропажу, если бы не стечение обстоятельств. Звезда Голливуда, легендарная актриса Одри Хепберн, получила письмо от главаря дублинской мафии Мартина Кэхила. Тот, восхищенный игрой красавицы в фильме «Как украсть миллион» (а именно там герои устраивают несколько ложных тревог, чтобы добиться отключения сигнализации), гордо писал: «Вдохновленный Вами, я пошел по Вашим стопам, но получил не один миллион, а сто». Ошарашенная звезда принесла письмо в полицию – и завертелось!

Хилл начал слежку за мафиози. Полицейские проследили судьбу девяти полотен, и их удалось вернуть. Но Вермер и Гойя пропали. Однако настойчивый Хилл нашел их в хранилище Люксембургского банка. Правда, когда холсты изымали, Хилл получил серьезное ранение, но картины вернулись в Рассборо.

Скотленд-Ярд был доволен успехом, но вот на сэра Артура кражи повлияли самым трагическим образом. Он начал выспрашивать дворецкого о старом проклятье, читать древние книги, выискивая там разные заклинания. Даже к магам и экстрасенсам обращался – хотел защитить свою коллекцию. Но не успел – в 1994 году его не стало.

Леди Клементина Бейт в мистику не верила. Она просто приказала установить во всех помещениях чудо современного интеллекта – особую лазерную защиту, мимо которой не смог бы пролететь и комар. Но в теплый июньский день 2001 года, когда леди преспокойно

завтракала, раздался оглушительный грохот, и хозяйка в ужасе увидела, как в комнату… въехал огромный грузовик. Он просто пробил стену, и никакие высокие технологии не помогли. Выскочившие из грузовика трое грабителей в черных масках грохнули монтировкой по двум рамам, сноровисто вырезали полотна Белотто и Гейнсборо и были таковы. Вся операция заняла три минуты. Очнувшаяся хозяйка кинулась звонить не в местную полицию, а в Скотленд-Ярд. Прилетевший из Лондона Чарльз Хилл бесстрашно отправился прямиком к дублинской мафии. Он уже понял, в чем дело. Прежний главарь, любитель кинозвезды Хепберн, был застрелен, и на его место заступил молодой и горячий Мартин Глэндор. Молодца схватили, обе картины нашлись. Но каково было объяснение?! Глэндор всерьез уверял судей, что не мог поступить иначе. Во сне ему явился призрак бывшего главаря и повелел совершить «ритуальное ограбление». «Только так ты докажешь, что достоин занять мое место! Отныне кража из Рассборо станет своеобразной инициацией главаря дублинской мафии», – зловеще шипел призрак. Что оставалось делать? Глэндор выполнил волю покойного. «Я и так взял не 19 картин, как он, а всего-то две!» – оправдывался молодой преступник.

Горячего ирландского парня упрятали за решетку. Полотна вернулись в Рассборо. Но однажды, когда Глэндора перевозили из одной тюрьмы в другую, он попытался бежать и был застрелен охранниками. Детектив Хилл насторожился. Ведь гангстерам предстояло выбрать нового главаря. А кто знает, может, тому тоже захочется пощеголять «ритуальной кражей»? Словом, сыщик Хилл позвонил леди Клементине с предупреждениями. Но старая леди его утешила: «У нас сейчас гостит сам куратор Национальной галереи Ирландии. Кругом полно полиции!»

Но наутро, когда все еще спали после обильного ужина, к заднему фасаду дома тихо подъехал тягач и стукнул тяжеленной стальной бабой по окну холла. Окно разлетелось вдребезги. Пятеро молодцов взяли каждый по картине и скрылись через пару минут. Это было уже четвертое ограбление – дерзкое, как насмешка. Преступников искала вся полиция Ирландии. Уходя от погони, воры сменили пять машин. Такого и в самом захватывающем детективе не прочитаешь! И бандитам удалось-таки скрыться – свой ритуал они соблюли. Но и полиция не ударила в грязь лицом: через три месяца картины нашли у перекупщиков.

Леди Бейт решила больше не искушать судьбу. Конечно, можно и посмеяться над местной легендой о проклятье живописца, но ведь картины в Рассборо действительно так и не прижились: за четверть века из «злосчастного поместья» было похищено полсотни великих картин. Так что леди Клементина решила поскорее передать лучшие полотна Национальной галерее Ирландии. Пусть висят спокойно. В Рассборо же Клементина Бейт пожелала устроить музей-усадьбу. А для этого подойдут и третьеразрядные картины. Украдут – не так жалко. Передача великих полотен из коллекции Бейтов состоялась в начале 2005 года. Ну а в ноябре, проводя инвентаризацию оставшегося имущества, кураторы музея Рассборо недосчитались еще трех картин. Словом, об обидах старинного живописца еще рано забывать. Пусть знают богачи, как обижать бедных художников!

Убить Русалочку

Вистории искусства существуют выдуманные герои, которые оказывают огромное влияние на реальную жизнь людей. Такой трогательной героиней вот уже почти 200 лет является мужественная и преданная своей любви к принцу Русалочка из бессмертной сказки Х.К. Андерсена. И нет ничего удивительного, что датчане решили поставить памятник своей героине в столице Дании – Копенгагене. Но вот поразительно: вокруг бронзовой Русалочки начали происходить совершенно загадочные и трагические события.

Скульптура Русалочки

В сказке Андерсена Русалочка мечтала познакомиться с людьми, узнать их поближе. Она подплывала к портам и ночью тайно разглядывала корабли, матросов, огни городов. В 1913 году бронзовая Русалочка обрела свое законное место прямо в порту Копенгагена – у входа в гавань. Кажется, она только что появилась из морских волн и примостилась на камне, чтобы лучше рассмотреть и запомнить незнакомую ей земную жизнь. Наконец-то сбылась ее мечта: она попала в загадочный, волнующий ее мир людей. И теперь она, трогательно сложив руки, смотрит на проплывающие мимо нее корабли, на прохожих, которые приходят на набережную Лангелини, чтобы полюбоваться ею. Что ж, без Русалочки и сказки Андерсена – не сказки, и Копенгаген – сирота. Эта хрупкая бронзовая фигурка стала гербом, символом датской столицы.

Дать Русалочке реальную жизнь предложил большой почитатель творчества Андерсена – пивовар Карл Якобсен. Он финансировал создание памятника и поручил его молодому скульптору Эдварду Эриксену. Помните сказку Андерсена «Ребячья болтовня»? Там дети богатых и знатных родителей презрительно говорили о том, что из детей, носящих простонародные фамилии, оканчивающиеся на «сен», ничего не выйдет. А вот и вышло! И Андерсен, и Якобсен, и Эриксен как раз и были «на сен». Их Русалочка появилась в гавани Копенгагена 23 августа 1913 года и мгновенно стала самой любимой скульптурой не только в Дании, но и во всей Европе. Жаль, что многочисленные туристы не всегда знают: этот памятник не только дань любимой сказочной героине, но и дань самой Любви. Ибо позировала скульптору Эриксену его горячо любимая молодая жена – Элине Эриксен (сценический псевдоним – Эллен Прайс), известная балерина, солистка Королевского театра оперы и балета. Любовь скульптора чувствуется в каждой линии Русалочки, в ее трогательном повороте головы, мечтательном взгляде.

Копенгагенцы считают Русалочку своим талисманом добра. Моряки перед уходом в плавание приходят на набережную Лангелини. Жены и возлюбленные моряков просят у Русалочки благополучного возвращения мужчин. Поразительно, но люди воспринимают бронзовую девочку как реальную. В холодные зимы на нее набрасывают шубу, а на голову – шапочку. Боятся, что она простудится, потому что для всех она живая.

И каким же бурным стало негодование датчан, когда ранним утром 25 апреля 1964 года они увидели тяжелейшее злодеяние: Русалочку казнили – ей отрезали голову. Люди в ужасе поспешили к памятнику. К полудню вся набережная Лангелини была запружена ошеломленной и возмущенной толпой. Слава богу, полиция догадалась прикрыть изуродованную статую белым покрывалом. Дания замерла, словно наступил траур.

Власти пообещали награду за поимку преступника и находку головы несчастной скульптуры. Увы, результата не было.

Награда возросла с 3 до 7 тысяч крон. Но раскрыть подлое и варварское преступление не удалось. Пришлось отлить новую голову для статуи. Это тоже было непросто. Нужен был слепок, но где его взять? Повезло: в Копенгагенском музее изобразительного искусства обнаружилась гипсовая форма, сделанная самим скульптором Эриксеном. Это было истинным чудом. Потом случилось и второе чудо: нашелся сын мастера бронзовых дел, который в 1913 году отливал Русалочку. Он и взял на себя руководство новой работой. За это время со всего мира шли в Копенгаген мешки писем взрослых и детей, которые надеялись, что их любимая Русалочка вновь оживет. «Иначе все это не имеет смысла, если мы не сможем ее спасти!» – написал один мальчик из Оклахомы.

Словом, весь мир кинулся спасать бедную Русалочку. Уже через месяц состоялось новое открытие статуи. Растроганные копенгагенцы завалили бронзовую девочку цветами. На второе рождение прибыла даже 85-летняя Эллине Эриксен, некогда блестящая балерина Эллен Прайс. Чтобы вандалы не смогли больше надругаться над бронзовой фигуркой, решено было осветить ее мощным прожектором и рядом поставить полицейский пост. Увы, это не помогло! Герострат XX века тянуло на беззащитную фигурку бронзовой девочки как мух на мед. Список подлейшего вандализма напоминает списки зверств фашистских концлагерей.

Летом 1964 года бронзовой девочке попытались ножовкой отпилить руки. В 1976-м изранили хвост. В 1984-м сумели отпилить руки. В 1990-м хотели отпилить голову, но не смогли, а только перерезали шею. В 1998-м голову таки отсекли. Правда, ее сумели найти и воссоединили с телом. В 2003-м статую, взорвав, сбросили с постамента. В 2004-м бедную девочку одели в мусульманские одежды в знак протеста против того, что Турцию хотят включить в Евро союз.

Сколько же злобы и ненависти надо иметь, чтобы портить и убивать беззащитный памятник?! Но откуда эта ненависть и почему? Ведь героиня сказки Андерсена ничего, кроме любви и преданности, не несла в этот мир. Неужели эти основополагающие качества так опасны для кого-то?

Однако вспомним, что бронзовая Русалочка не единственная скульптура, которую калечат вандалы. Еще в начале XVI века, когда великий Микеланджело только начал ваять своего «Гиганта» (так он величал «Давида»), он получал письма с угрозами. Ну а когда беломраморного юношу установили на главной площади Флоренции, Микеланджело и его друзьям пришлось по очереди дежурить по ночам, поскольку не раз обезумевшая толпа пыталась сбросить и разбить статую. Да и в последующее время «Давид», уже обожаемый флорентийцами, ставший символом города, подвергался нападениям. В 1527 году ему отбили правую руку. В 1873 году – раздробили бедро. После этого статую и перенесли под защиту зала музея Академии. Но и там на мраморного «Гиганта» нападали. В 1990 году обезумевший человек раздробил ему пальцы на левой ноге.

Доставалось и другим работам Микеланджело. Его «Пьета» (беломраморное «Оплакивание Богородицы») тоже подвергалась нападениям. Представляете, вандалы кидались на саму Богородицу, которая, рыдая и плача, держала на коленях своего погибшего Сына!.. Самым известным стало нападение в 1972 году, когда один из зрителей кинулся на скульптуру с кувалдой. С тех пор «Пьета» закрыта саркофагом из непробиваемого стекла.

И вот что показательно: среди вандалов есть, конечно, и подвыпившие хулиганы, но их меньшинство. Большинство нападений совершается осмысленно и… деятелями искусств. Например, в первом обезглавливании Русалочки в 1961 году признался в 1997 году художник-ситуационист Йорген Наш. В мемуарах он рассказал, что утопил ее голову в одном из озер Копенгагена. На «Пьету» Микеланджело в 1972 году напал венгр-эмигрант Лацци Тот, тоже художник. А на «Давида» в 1990 году – скульптор Пьер Каната. И между прочим, все эти деятели впоследствии признаны судом невменяемыми.

Так что же происходит? Разрушение памятников психически ненормальными людьми? Или это все-таки битва Зла с Добром, ведомая руками обезумевших? Сказано же было древними: чтобы победить народ, надо уничтожить его богов. А ведь великие произведения искусств – это своеобразные боги нашей цивилизации. Так, может, кому-то хочется уничтожить человеческую цивилизацию? Чтобы люди перестали быть людьми, верить в Любовь, Красоту и Самопожертвование…

Таинственная игра красок

Чудо монастыря Сен-Назер

История полна открытиями, создатели которых и не подозревали, что их творения будут востребованы в веках. Одни из таких открытий уничтожались, другие забывали, третьи же объявлялись чудесами…

Гонец в черном капюшоне осадил коня перед воротами монастыря Сен-Назер, что на Луаре, с размаху ударил в висящий над воротами колокол. Где же привратник, почему не открывает? Наконец ворота затрещали и открылись. «Письмо настоятелю от самого папы Климента! – рявкнул гонец и сунул монаху папский перстень. – Лично и срочно!»

Базилика Сен-Назер

Через пару часов посланец, накормленный и напоенный, сладко спал в гостевой келье. Зато отец настоятель нервно мерил шагами монастырскую трапезную. Экое ответственное поручение взваливает на его плечи папа – а вдруг Бог не сподобит справиться?! Папа Климент V обидчив, крут характером и, главное, чрезвычайно алчен. Правда, ему есть отчего алкать земных богатств – под натиском крепнущих европейских монархий папская власть быстро приходила в упадок. Два года назад, в марте 1309 года, Климент был вынужден перенести пребывание римских пап в Авиньон – город, который хоть и находился на французской территории, но принадлежал неаполитанскому королю, вассалу испанской короны. Получалось, что папа попал в «авиньонский плен». Однако хитроумный Климент начал действовать – раз он не может вырваться из «пленения», он решил собрать средства, чтобы выкупить у неаполитанцев… весь город. И вот его очередной шаг – повеление ученейшему монастырю Сен-Назер срочно изготовить «философский камень», с помощью которого можно было бы превращать ртуть в золото. А в качестве руководства к действию Климент прислал в Сен-Назер алхимический трактат Арнальдуса Виллановануса, прославленного химика и врача,

чье имя гремело по всей Европе. Правда, не все признавали ученость Арнальдуса. Церковники Парижа обвинили его в колдовстве, так что бедняга был вынужден спасаться бегством на Сицилию.

…Монах Лоренцо Пика, крестясь, вертел в руках трактат алхимика: «Эти писания запрещены церковью… Почему папа Климент прислал их нам?» Настоятель поморщился: «Деньги понадобятся, и запрещенные книги в ход пойдут. Скажи лучше, брат, ты сможешь выполнить повеление папы и провести опыты так, как описано в этом трактате?» Лоренцо пожал плечами: весьма сомнительное поручение… Конечно, он вот уже четверть века занимается изучением естественных наук, и весьма преуспел в этом. Однако монастырь Сен-Назер славится и другими ученейшими мужами. «Может, вы поручите эти опыты более мудрым? – попытался отказаться Пика. – Брату Ансельму или брату Мартину?» – «Ну да – одному из них 60 лет, другому и того больше! – хмыкнул настоятель. – Да у них уже все из рук валится. Глядишь, до конца опытов не доживут. Нет уж, берись за дело сам. Благословляю! Но помни: сроку нам дано ровно год…»

Охая и ахая, Лоренцо Пика вернулся в свою келью. Как же он успеет за год?! Да одно только чтение трактата займет уйму времени…

Однако уже через месяц трапезная монастыря была переоборудована в лучшую по тем временам лабораторию. Монашеская братия питалась теперь через пень колоду и чем бог пошлет, поскольку кухонным очагам и чанам Лоренцо тоже нашел работу. Сам же он почти не выходил из лаборатории, трудясь не покладая рук. Покой и сон потерял, уже несколько раз делал, как предписывалось в трактате алхимика, но результата не выходило. Уже и все монахи, хоть сколь-нибудь разбирающиеся в химии, помогали ему, и что?! Либо все они были идиотами, либо трактат Виллановануса – чистой воды шарлатанство! Десять раз Лоренцо повторил одно и то же. Сначала нужно сделать два раствора. Один из ртути и азотной кислоты с примесью соединений йода. Другой – из серебра и той же кислоты. Потом соединить их так, как описывалось в трактате. И действительно, при взаимодействии растворов на дно сосуда выпадал осадок желтоватого цвета. Но это было что угодно, но только не золото!

За неделю до отведенного срока в монастырь прискакал тайный посланец папы. Лоренцо заканчивал последнюю версию опыта. Весь монастырь во главе с настоятелем сутки провел в молитвах. Но видно, Богу они не были угодны. Посланец Климента вернулся в Авиньон со склянкой желтоватого раствора и слезным письмом о том, что результат опыта печален: получить по рецепту Виллановануса золото невозможно. Вскоре в Сен-Назер пришло повеление разгневанного папы: провинившийся ученый должен пройти на коленях «путь покаяния» по берегам Луары – вплоть до Авиньона.

Что делать?! Папская воля – закон! Став на колени, Лоренцо Пика пополз в далекий путь. Только и утешался тем, что ему 40 лет. Было бы, как отцу Ансельму, шестьдесят, умер бы по дороге…

Дрожащей рукой брат Лоренцо толкнул ворота монастыря Сен-Назер. Бог явил ему небывалую милость – возможность вернуться в родные стены! Счастье, что гнев папы поостыл и он, покричав, выгнал неуча монаха обратно в свой безграмотный монастырь. И вот Лоренцо дома. Но почему ворота монастыря открыты? Монах ступил на мощеный двор. Вокруг толпы народа. Невиданное дело!

Навстречу вернувшемуся монаху уже спешил настоятель. Не дав Лоренцо переодеться и ничего не объясняя, он повел его в базилику. Там на самом видном месте висела икона, которой не было, когда Лоренцо покидал монастырь, – в золотом кружеве оклада смутно виднелся образ святого Назера, покровителя монастыря. Хор затих, умолкли звуки органа. В наступившей тишине каноник, служивший литургию, воздел руки к небесам и торжественно произнес: «Если ты слышишь нас, святой Назер, если будешь просить Бога за нас, ответь

– дай знак!» И будто в ответ на этот зов произошло чудо – лик святого, теряя аскетическую желтизну, залился алым жизнерадостным румянцем. «Он воскресает! Он жив! – восторженно возликовала толпа. – Он будет просить Бога за нас!»

Ошеломленный брат Лоренцо смотрел на десятки подносов, заваленных подношениями благодарных прихожан. Вот она – цена чуда: деньги, слитки золота, драгоценные камни, ювелирные изделия. Уверовавшая в свое небесное спасение паства не пожалела ничего. Взволнованный настоятель прошептал: «Когда я узнал, какую сумму озлившийся Климент повелел нашему монастырю отсылать в Авиньон каждый год, у меня чуть сердце не разорвалось. Подумал: монастырь разорен. Но с такими сборами нам никакие папские поборы не страшны – а все благодаря твоему открытию!»

Брат Лоренцо прикрыл веки. Конечно, он сразу понял, как «ожила» икона Сен-Назера. Когда, повторяя опыт алхимика Виллановануса, Пика получил желтоватый осадок, то попробовал высушить его на жаровне. Вот тогда-то и произошло невероятное – осадок изменил цвет на красный. И сколько бы ни повторял Лоренцо этот опыт, под влиянием температуры волшебный порошок всегда превращался из желтого в красный. И вот теперь предприимчивый настоятель приказал написать образ покровителя монастыря красками, в которые подмешан волшебный порошок. «Но как удается «подогревать» краски?» – шепотом осведомился Лоренцо. Настоятель хитро прищурился: «Проще простого! Позади образа святого Назера за тоненькой перегородкой ставим жаровню с раскаленными угольями. И вот, сам видишь, случается чудо!»

Лоренцо вспомнил, как папа Климент, рассмотрев непонятный желтый порошок, закричал в гневе: «На что сгодится эта желтая пыль? Да за нее не дадут и самой мелкой монеты!» И вот вам – не мелкие монеты получил монастырь, а богатейшие взносы от прихожан и паломников. И каждый год, когда лик святого Назера станет «оживать» на глазах у верующих, богатство монастыря будет множиться, не говоря уже о его славе, которая обойдет и Францию и все другие страны.

Столетия спустя новый вид красок, открытый монахом Лоренцо Пика, ученые назовут термочувствительными. И этим термокраскам найдется множество применений. А вот недалекий папа Климент V так и не смог утолить свою алчность. В 1312 году он даже дал согласие на роспуск и арест ордена тамплиеров, надеясь воспользоваться его богатствами. Но опять его обошли – основные сокровища достались французской короне. Тогда Климент пошел на невиданное: вызвал к себе того самого, опального алхимика Арнальдуса Виллановануса, да тот не сумел добраться до Авиньона: то ли разбойники убили, то ли умер в одночасье. А вот монастырь Сен-Назер славился своим чудом еще несколько веков – пока не выцвели краски на волшебной иконе.

Первая в мире женщина-скульптор

Судьбе было угодно, чтобы в 1491 году в Болонье в семье богатого и знатного горожанина родилась дочь, которую родители назвали Проперцией. И еще судьбе было угодно, чтобы эта самая Проперция воспылала страстью к… ваянию и живописи.

Если вы думаете, что это было благо, поскольку девочка с детства обладала ярким талантом, то вы ошибаетесь. Конечно, на дворе стояли времена Возрождения, когда человек вдруг осознал, что он – истинное создание Божье и может достичь божественных высот. Вот только достигать высот полагалось мужчинам. Женщина же оставалась в привычном, предназначенном для нее мире: дом – муж – дети. По воскресеньям – посещение церкви и молебны по праздникам. Все. А чего же еще нужно?!

Мужчины осваивали мир, уходя в плавания, торгуя, украшая жизнь фресками, картинами и скульптурами. Они приносили домой деньги, которых становилось все больше и больше. Если, это, конечно, были дома уважаемых мужчин. Женщины вели хозяйство – экономно и рачительно. Это была высшая добродетель женщины. Чего же еще желать?!

Но монна Проперция возжелала заняться искусством. Конечно, аристократические девушки вполне могли нанять учителя рисования и рисовать карандашом или сангиной, а в крайнем случае делать небольшие наброски природными красками. Но вот написать фреску – это не женское дело. Это дурной тон – ведь придется лезть на леса, которые возведут перед стеной, чтобы достичь верха. Тем более нельзя обучаться скульптуре: не пристало женщине рубить мрамор, нажимать на тяжелые резцы, вгрызаясь в глубину камня.

Однако Проперция пошла наперекор мужскому мнению. Она начала заниматься скульптурой, резьбой по камню и дереву, а также гравюрой, что тоже не приветствовалось, ведь при гравировании используются и острые резцы, и иглы, и вредные для здоровья составы, которыми протравляют рисунки. Но Проперции удалось уговорить знаменитого гравера-художника Маркантонио Раймонди, лучшего в своей области, чтобы он давал ей уроки. И мастер посчитал Проперцию талантливой!

Впрочем, возможно, ничего этого не удалось бы болонской девушке, если бы не богатый отец. Он был сторонником новых веяний и вполне мог не скупясь заплатить за учебу дочери звонкими золотыми. Отец не ошибся в таланте дочери: она достигла больших успехов за короткое время. Жаль, что время не сохранило ее гравюр. Но если вы думаете, что после этого окружающие начали восторгаться талантом девушки, вы опять ошибаетесь: успехи Проперции стали препятствием на ее пути к хорошему замужеству. Ибо женщина, занимающаяся мужским ремеслом, – это уже угроза самим мужчинам. Недаром первый биограф Проперции великий историк живописи Джорджо Вазари (1511–1574) в своей книге «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» (1549–1550) начал статью «Жизнеописание мадонны Проперции деи Росси» со знаковых слов:

«Удивительно, что во всех доблестях и во всех видах деятельности, к которым женщины когда-либо имели желание приобщиться, прилагая к тому хотя бы некоторые усилия, они неизменно достигали наивысшей степени совершенства и стяжали себе нечто большее, чем просто известность…»

Ну как прикажете мужскому миру реагировать на такие заявления?! Хорошо было Вазари признавать женский талант, ведь он и сам был гением. Но простые люди отнеслись к «ваятельнице» Проперции куда строже: перед ней просто закрыли двери большинства домов. Почтенные болонцы не желали, чтобы их дочери, как она, занимались «всяческими искусствами». Однако подвергнуть Проперцию остракизму не удалось. Девушка была красива, умна, находчива и весела. Она играла на разных музыкальных инструментах, превосходно пела, сочиняла стихи и песни и, по словам Вазари, «была способна не только к делам

домашним, но и к очень многим наукам, так что завидовали ей не только женщины, но и все мужчины». Словом, Проперция была истинной дочерью эпохи Возрождения: она обладала множеством талантов, как и все известные люди того времени.

И как в сказке, красивая и талантливая, она все же сумела удачно выйти замуж. Ее супруг, мессир деи Росси, тоже был богат, принадлежал к древнему аристократическому роду и имел влияние в Болонье. Правда, он был намного старше супруги. Но главное – он был не против того, чтобы жена занималась искусством. Более того – он приходил от ее работ в восторг. Еще до замужества Проперция вырезала на персиковых косточках сцены всех страстей Христовых. Тонкость работы, изящность манеры исполнения, умение выразить множество чувств героев – от спокойствия до трагизма – произвели на Росси большое впечатление. И он, расчувствовавшись, решил, что, женившись, всегда станет поддерживать супругу в ее стремлении к искусствам.

В середине 1520-х годов собор Сан-Петронио в Болонье посчитал нужным украсить скульптурами три портала главного фасада. Конечно, попечители собора хотели пригласить мастеров из Флоренции, где, как известно, живут самые лучшие скульпторы в Италии. Но мессир Росси предложил поручить работу не каким-то приезжим скульпторам, а своей, болонской ваятельнице – его дорогой монне Проперции. Попечители пришли в растерянность: они не хотели отказывать мессиру, ведь Росси вносил богатейшие вклады в соборную казну, но и поручить столь ответственную работу, состоящую из множества огромных скульптур, женщине было неподобающе…

Мессир Росси нашел выход. «Пусть моя супруга выполнит мраморный портрет графа Гвидо Пепполи, отца главного попечителя собора – графа Александра! – предложил он. – И вы увидите, что она достойна получить такой масштабный заказ!» Проперция вырубила мраморный портрет Гвидо Пепполи (хвала Мадонне, он сохранился и сейчас находится в соборе Сан-Петронио в Болонье). Эта работа произвела большое впечатление на попечителей собора, и они поручили монне Проперции создание скульптур для трех порталов. Увы, большинство работ не сохранилось, но уцелели два барельефа, созданные в 1525–1527 годах: один с изображением Прекрасного Иосифа, второй – с Соломоном и царицей Савской, а также рельеф с двумя ангелами. По этим работам можно судить, что Проперция действительно прекрасно владела мастерством скульптора. Одна из этих работ раскрывает и тайну самой монны Проперции.

Ее муж был стар. А самой ей было чуть за тридцать. Всю жизнь она работала, мечтала достичь успеха. И вот ее мечта сбылась – она создает творения для главного городского собора. Чего еще ей желать? Оказалось – есть чего. Она многого достигла в жизни, но не узнала любви…

Прекрасный юноша, Антонио Галеаццо ди Наполеоне Мальвазиа, с темно-оливковыми очами, вьющимися черными волосами и сильными руками, посетил однажды соборную балюстраду, на которой Проперция установила очередной, только что выполненный рельеф. «О Мадонна, я не видел ничего более прекрасного!» – взволнованно прошептал юноша. О чем он говорил?.. Проперции показалось: не только о рельефе. Разве не ей самой часто шептали мужчины, что она прекрасна?..

Антонио приходил снова и снова, сопровождал Проперцию в ее прогулках по соборной внутренней площади. Там не гуляли посторонние, правая сторона двора вообще была закрыта деревянной решеткой, ибо там белела беседка, куда могли войти только избранные. И однажды, войдя в это священное место, Проперция протянула руки к юноше. Но тот лишь улыбнулся: «Монна Проперция, я восхищен вашим искусством, но…»

Бедная девушка не знала куда деваться. Сколько раз она сама вот так криво улыбалась, услышав очередной комплимент, но сердце ее было холодно. Как сейчас сердце этого юноши. Проперция выскочила из беседки, закрыв лицо, и только дома пришла в себя. Нет,

ведь не все еще потеряно! Антонио сказал, что восхищен ее работами. Что ж, она создаст барельеф с особым сюжетом, где расскажет о своем нелегком чувстве. Это будет сюжет об Иосифе Прекрасном. Из Библии известно, что жена домоуправителя фараона влюбилась в прекрасного юношу Иосифа, а тот, как и Антонио, не ответил ей взаимностью. И тогда женщина, отчаявшись склонить его своими мольбами, просто сорвала с него одежды. Это будет сцена страсти. И если робкая Проперция не может объясниться своему возлюбленному в любви, пусть искусство сделает это за нее.

Увы, красавец болонец не понял послания ваятельницы. Но поняла вся Болонья. Недаром Вазари написал в своей книге: «Работа эта была всеми признана прекраснейшей, ей же (Проперции) доставила большое удовлетворение, словно она этой фигурой из Ветхого Завета хотя бы частично облегчила свою столь жгучую страсть». Правда, Вазари писал свою книгу уже четверть века спустя после описываемых событий. А в жизни ваятельницы все происходило не столь благостно. Болонцы зло шептались за ее спиной – радовались ее разбитому сердцу и судачили: так и надо гордячке. Ишь – решила уподобиться мужчинам в их ремеслах! Потом пошли разговоры о том, что и талант Проперции оказался не столь уж велик. Скульптор и живописец Амико Аспертини начал обвинять ее в неумелости. Правда, и сам Амико, известный своей неуемной завистью к любому удачному творению, никакими достижениями не блистал. Но зато он побывал и во Флоренции, и в Риме, и в других городах, а значит, видел много выдающихся работ. «Но я нигде не видел, чтобы женщина занималась ваянием! – кричал он на каждом углу. – Она же позорит почтенный город Болонью!» Прислушавшись к его наветам, попечители собора заплатили Проперции самую ничтожную сумму. Еще бы! Ведь в это время умер ее супруг, единственная надежда и опора в жизни.

Ваятельница еще пыталась закончить работу. Изваяла для собора двух ангелов. Они и сейчас стоят в соборе Сан-Петронио. Но людская молва уже заставила ее перестать заниматься скульптурой. Она решила перейти к гравюре. Но работы ее не покупались. Воистину, нет славы в своем отечестве! Однако о возвышенном и благородном таланте Проперции прослышал сам папа римский Климент VII. Он пожелал вызвать первую в мире женщину-скульптора в Рим. Увы, его вызов опоздал – монна Проперция деи Росси скончалась в 1530 году, не дожив до 40 лет. Как заметили современники, «ее сгубили несчастная любовь и непризнание сограждан». Впрочем, у кого из великих было это самое признание? К сожалению, мало у кого…

Живописец дьявола

Вот уже шесть веков в истории эпохи Возрождения существуют жуткие и зловещие легенды, связанные с жизнью знаменитого живописца Андреино ди Бартоло ди Симоне ди Барджила из деревни Кастаньо, которого исследователь искусства Джорджо Вазари назвал коротко – Андреа дель Кастаньо. Его имя всегда окружалось легендами и произносилось шепотом. Потому что легенды были жуткими. Но его живопись всегда притягивала и завораживала. Потому что манера его была страстной и истовой. И что бы ни изображал Андреа дель Кастаньо, его мощная кисть сбрасывала на картину или фреску такой поток энергии, что становилось страшно. Поневоле вспоминалась легенда, что ради своей проклятой живописи он отдал душу дьяволу.

Отец Андреа сразу понял, что мальчишка проклят, ведь тот, едва родившись, орал целыми днями. Потом, правда, притих, но уже в раннем детстве стало понятно, что у мальца злобный нрав и черный глаз. Ну а когда отец увидел пачкотню своего строптивого сына, оставленную на стене сарая, пришел в ярость. Отец хоть и был простым крестьянином и дровосеком, но в церковь ходил, изображения святых видел, так что сразу понял – не Бог руководил рукой его дерзкого сына, а дьявол. Разве здесь нарисован куст?! Да у него щупальца, как у осьминога. И разве это – дворовый пес?! Да это не собака, а монстр какой-то!

Отец избил Андреа. Надо же выбивать дурь из головы. Избил и младших сыновей – чтоб неповадно было. Он вообще учил детей побоями и голодовкой. То, что произошло потом, Андреа помнил всю жизнь. Вернее – пытался забыть. Огонь. Гарь. Грохот. Деревянный дом отца вспыхнул, как щепка, и полыхал всю ночь. К утру не осталось ни дома, ни отца. Детей разобрали соседи. Андреа не впустили ни в один дом. Все знали, что у него ужасный характер и дурной глаз. В конце концов мальчишку взял дядя и отправил пасти овец. Для Андреа же это был подарок судьбы. Ведь дядюшка не избивал и не морил голодом. Более того, разрешил ходить учиться к местным деревенским живописцам.

И тогда случилось чудо. Флорентийский дворянин из самой влиятельной семьи Бернадетто деи Медичи увидел однажды, как Андреа лихорадочно рисовал углем на стене, на камне, на всем, что подворачивалось под руку. В 1440 году Бернадетто забрал юного художника с собой во Флоренцию и отдал учиться в лучшие мастерские. Правда, к кому – неизвестно. То ли к Мазаччо, то ли к Учелло. Да что имена учителей! Даже возраст Андреа неизвестен. То ли было ему семнадцать, то ли двадцать три. Точнее историки узнать не смогли. Словом, дата его рождения колеблется между 1417 и 1423 годами.

В том же 1440 году по Флоренции распространилась первая страшная легенда. Андреа получил заказ на изображение то ли повешенных врагов дома Медичи, то ли казненных изменников в битве при Ангиари. Собственно, это не столь важно, поскольку фреска все равно не сохранилась. Зато в людской памяти сохранилось впечатление от этой фрески. И оно было столь жутким, что Андреа с тех пор стали звать Андреа дель Импиккати – то есть Андреа Повешенных. Со стены на зрителей смотрели повешенные за ноги люди в ужасающих позах с неимоверным страданием в глазах. Те, кому хоть раз пришлось увидеть эту картину, вспоминали ее в холодном поту, просыпаясь по ночам. И по городу поползли слухи – не мог молодой художник так натурально изобразить столь жуткое зрелище! Нашлись и свидетели, которые видели, как Андреа тащит что-то в темноте. Наверное, с кладбища. Скорее всего, труп, чтобы повесить у себя в мастерской и рисовать. Нашлись и другие доброхоты. «Зачем ему труп? – шептали они. – Вон он какой здоровенный! Он с живым человеком расправился, подвесил и рисовал его смертные муки, а дьявол ему помогал!»

Странно, что церковь не взялась за Андреа. Наверное, потому, что его покровителями было семейство Медичи. А Медичи во Флоренции, как известно, могут всё. Соб-

ственно, Медичи – это и есть сама Флоренция. Но все-таки Андреа пришлось уехать от греха подальше. Два года он провел в Венеции. И именоваться дель Импиккати не захотел. Он взял себе прозвище от родной деревушки и стал Андреа дель Кастаньо.

Флоренция приняла его снова. Город строился, дома вырастали на глазах. И в каждом доме модно было иметь росписи и картины. Андреа сразу получил заказы и кинулся выполнять их с тем же неистовством, что всегда. У него не было ни друзей, ни жены, ни детей. Все, что он знал в своей короткой жизни, – работа. До бессонницы. До обмороков. До стертых в кровь пальцев.

Однажды он писал изображение на верху стены. Пришлось воспользоваться лестницей. За работой наблюдали мальчишки. Один из них, бахвалясь перед товарищами, толкнул лестницу. Чуть не сломав себе шею, Андреа в гневе кинулся за ним. А мальчишка, чтобы избежать наказания, долго рассказывал, как этот дикий художник прямо на глазах превратился в страшного зверя. Не иначе этот дикий в сговоре с дьяволом!

В другой раз подмастерье, подглядев за работой Андреа, шепотом рассказал, что злобный художник рисует кровью. Конечно, нашлись любопытные – проверили. Оказалось, Кастаньо делает предварительные наброски на стене темно-красным красителем. Но об этом узнали единицы. А молва о крови обошла весь город.

Однако Медичи пресекали слухи, по-прежнему покровительствуя Кастаньо. Вот и почтенное семейство Монтагути заказало Андреа фреску для дома – традиционное «Распятие». А он написал такое – смотреть страшно! Распятый Христос в конвульсиях, Богородица рыдает. Не мудрено, что однажды ночью служанка услышала настоящий вопль с той стороны залы, где висело «Распятие». Почтенный отец семейства приказал стереть фреску со стены, но краски не поддавались. Тогда Монтагути повесил прямо на фреску другую картину, написанную на дереве. Слава богу, все успокоилось. Но только в доме…

По городу же стремительно разнеслись слухи. Андреа скрылся в монастыре. Нет, он не стал монахом, просто принял заказ на роспись всего монастыря Санта-Аполлония. Это займет много лет, а ему уже давно пора написать что-то масштабное. Ведь он чувствует в себе громадную силу.

И вот между 1445 и 1450 годами Кастаньо начал интенсивно работать над циклом фресок – «Тайная вечеря», «Распятие», «Пьета», «Положение во гроб», «Воскресение». Даже жить перебрался в Санта-Аполлония по монастырскому уставу. Только братия быстро стала замечать – не часто приходит художник на мессы. А если и придет – стоит с отсутствующим видом, так и норовит сорваться к своей фреске. Что он там пишет – неизвестно. Зато по ночам из трапезной, где работает, доносится странное бормотание. Настоятель говорит, художник молится, а монахи слышат сдавленные ругательства. Нечестивец, одним словом!

То, что предстало взорам, когда фрески оказались законченными, повергло всех в шок. На большой стене на высоте полутора метров от пола разыгрывалась сцена Тайной вечери. Да только разве это была тихая и скорбная вечеря? Посреди стола, накрытого белоснежной скатертью, сидел хмурый Христос, почему-то седой старец. По его сторону стола – все ученики. По другую – один проклятый Иуда. Все – в страшном напряжении. Да разве это будущие апостолы? Это же грубые крестьяне из окрестных деревень. Какие резкие черты лица и неукрощенные страсти в глазах. Словно сидящий насупротив Иуда – порождение их же грешных страстей. Словно это они сами создали его из своих грехов, а затем исторгли. И вот теперь замерли перед грехом своим как каменные. А сзади них – настоящий камень: мраморные квадраты с жуткими разводами – лиловыми, красно-коричневыми, малахитовыми. Нечеловеческое зрелище. Какая же это Тайная вечеря? Это адская сцена!

Словом, фрески Кастаньо в бенедиктинском монастыре Санта-Аполлониа просуществовали недолго. Их стали закрашивать, приглашая новых художников рисовать прямо поверх них. Живопись Кастаньо пугала своей силой и яростью. Судьба не была милостива

к Андреа при жизни, но еще хуже отнеслась к нему после смерти. Ведь именно после его смерти по миру распространилась «самая страшная легенда Кастаньо». Молва утверждала, что нелюдимый и вечно хмурый Андреа подружился с художником Доменико Венециано, приехавшим во Флоренцию из Венеции, человеком мягким и светлым. Такой же мягкой и лучезарной была живопись Доменико, с ее чистыми и прозрачными тонами – светло-розовым, голубым, салатовым, сиреневым. Друзья не только работали вместе, например расписывали церковь Санта-Мария Нуова, но и вместе музицировали. Доменико прекрасно играл на лютне, Андреа любил петь. Они даже поселились в одном доме.

Вот тут-то якобы дьявол и потребовал платы. Он подтолкнул Андреа убить друга. Потому что трудно, отдав всю жизнь живописи, вдруг узнать, что кто-то рисует лучше. Оскорбленный Кастаньо напал на ничего не подозревавшего Доминико в тихом переулке и убил его. А потом притворно горевал на похоронах.

Вот как рассказал об убийстве первый исследователь искусства Возрождения Джорджо Вазари: «Андреа свинцовыми гирями пробил Доменико лютню, а вместе с тем и живот. Но этого ему показалось мало, и он той же гирей нанес ему смертельный удар по голове. И потекла кровь…»

Что за жуткая история! Вазари и сам ужасался, пока писал, но именно так рассказывали ему о преступлении этого проклятого художника. И вот со времени выхода книги Вазари «Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» (1549–1550) имя Андреа дель Кастаньо было предано проклятию. Более 300 лет, вплоть до конца XIX века, читатели и знатоки живописи роняли слезы над описанием вероломной дружбы Андреа и Доменико. Еще бы – ведь это был первый исторический рассказ об «эффекте Моцарта – Сальери».

Фрески Кастаньо тоже пали под проклятием. Под толстыми слоями последующих подлинные фрески монастыря Санта-Аполлония, о которых долгое время бродили легенды, они были обнаружены только в 1890 году. Реставраторы очистили небольшой кусок, и на них сверкнул злобный взгляд. Из-за вековой штукатурки выглянул Иуда из «Тайной вечери».

Опытнейший итальянский реставратор синьор Бенини подтвердил, что это работа Андреа дель Кастаньо. Всю же фреску расчищали еще долго – почти 40 лет. Но когда в 1929 году она предстала в своем первоначальном виде, мир ахнул. Оказалось, что по накалу страстей и глубине воздействия живопись Кастаньо не с чем сравнить, разве что с истовостью великого Эль Греко. Энергетика фресок была столь мощна, что в монастырь Санта-Аполлония потянулись люди со всего света. Там открыли музей Кастаньо и собрали почти все работы мастера. После нескольких веков забвения Андреа дель Кастаньо наконец был признан великим художником.

Неудивительно, что исследователей заинтересовали подробности его биографии. Оказалось, почти все рассказы о Кастаньо – легенды. Красочные. Зловещие. Но выдуманные. Например, то, что художник рисовал якобы кровью. Просто под слоями его фресок нашли прорисовку темно-красным красителем. Ничего особенного. Тогда живописцы использовали для контурных прорисовок разные цвета. Великий Леонардо да Винчи, например, рисовал коричневым, а знаменитые мастера Гирландайо делали наброски синим цветом.

Даже, казалось бы, доказанное убийство друга Андреа – Доменико Венециано – тоже оказалось чьим-то злобным наветом. Из сохранившихся документов явствовало: Кастаньо скоропостижно скончался во Флоренции в 1457 году от чумы. Причем за четыре года до того, как в темном переулке Флоренции погиб Доменико Венециано. Так что это Доменико пришлось оплакивать безвременно ушедшего друга. В ту пору Андреа дель Кастаньо шел всего-то 34-й год. И не было за ним грехов. Или все-таки были?..

Во флорентийской церкви Сантиссима-Аннунциата сохранилась фреска на тему покаяния святого Джулиано, которую Кастаньо написал незадолго до своей смерти. Так вот, в

образе святого Джулиано художник, согласно документальным свидетельствам, изобразил самого себя. А за спиной каявшегося святого нарисовал крестьянский дом в горах, поразительно напоминавший дом его отца. Но что мог делать Джулиано в доме, который сгорел? Да и в чем он вообще каялся? Для нас в XXI веке это может показаться неразрешимым вопросом. А в те далекие «непросвещенные» времена каждый прихожанин знал: святой Джулиано раскаивался в самом страшном смертном грехе. Он отцеубийца.

Так что если Андреа и убил кого, то не своего друга Доменико Венециано, а изверга отца, который морил своих детей голодом и запрещал старшему сыну рисовать во славу Божью.

Но может ли убийца, пусть и самый справедливый, создавать шедевры во имя Господа? Ведь гений и злодейство, как известно, две вещи несовместные. Не потому ли на фреске в церкви Сантиссима-Аннунциата над головой святого Джулиано возвышается странный Господь – прекрасный и мрачный одновременно? Кто он – прощающий ангел или карающий демон? И что это за черная собака в прыжке, написанная в необычном ракурсе, чудом сохранившаяся на верхней фреске в церкви Сантиссима-Аннунциата? Тот самый пес, изображение которого увидел отец, а после избил сына? Или все-таки это черный друг судьбы, который всегда следовал за художником, заставляя его создавать свои мрачные и неистовые творения? Конечно, судьба заставила Андреа дель Кастаньо пройти тяжкий путь. Но разве его фрески и картины того не стоили?..

Мятежный дух великого Мазаччо

В 1429 году в капелле Бранкаччи флорентийской церкви Санта-Мария дель Кармине по средам не проходили службы. Зато с утра собирались молодые художники со всей Италии копировать великие фрески, созданные рукой Томмазо Мазаччо. Вот и сегодня в капелле тишина – все сосредоточенно рисуют. Вдруг скрипнула дверь. На пороге возник 23-летний Филиппо Липпи. «Берегитесь! – крикнул кто-то. – В этого одержимого вселилась душа покойного Мазаччо!» И художники в ужасе кинулись врассыпную.

Филиппо в недоумении огляделся: вокруг перевернутые мольберты и упавшие краски. Приятели ринулись от него как от прокаженного. Еще вчера просвитер капеллы торжественно объявил, что рисунки Филиппо Липпи лучшие. Что же случилось сегодня?

Мазаччо. Чудо со статиром. Ок. 1427–1428

Юноша выскочил из церкви, успев схватить за рукав толстяка Нардо. Тот попытался вывернуться, но хватка Филиппо была железной. Толстяк взвизгнул: «Пусти, оборотень!» В ярости Филиппо тряхнул его, и Нардо залепетал: «Сам знаешь про пророчество Мазаччо!» Филиппо ослабил хватку: «Ничего я не знаю!» Придя в себя, толстяк ухмыльнулся: «Я и забыл, что ты – монастырское отродье. Где уж тебе знать флорентийские сплетни! Так вот, год назад, в 1428-м, Мазаччо в Риме отравили завистники. Не перенесли его гениальности. Но когда он умирал, то пригрозил убийцам, что его искусство воскреснет в живописи дру-

гого художника, даже если ему самому придется переселиться в другое тело. И теперь все говорят: дух Томмазо Мазаччо вселился в тебя – ведь ты рисуешь как одержимый!»

…Липпи понуро брел по улице. Он действительно трудился как одержимый, копируя фрески мастера. Но как можно устоять при виде таких гениальных работ? Ведь впервые за всю историю живописи люди, деревья, цветы выглядели на этих фресках как живые. И чувства людей были понятны с первого взгляда. Например, на одной из фресок Томмазо нарисовал святого Петра в набедренной повязке, так казалось, что видно, как он, бедняга, дрожит от холода. Мазаччо даже рискнул показать обнаженных Адама и Еву. Неслыханно – впервые в живописи! Не за это ли богохульство его отравили? А ведь художнику не исполнилось и 27 лет…

И вот теперь еще худшая молва пойдет про него, Филиппо Липпи. Да если это услышат в монастыре кармелитов, Филиппо тут же запретят рисовать! Ведь Липпи принадлежит монастырю – там он воспитывался с шести лет, а в двадцать стал монахом. Отец его, неудачливый торговец, умер, едва сыну исполнилось два года. Мать же вообще скончалась при родах. Так что монахи его воспитывали и учили. Только вот он не смог воспринять никакого учения! Хоть и сажали мальчишку за книги, да он только страницы разрисовывал всякими уродцами. Уж и колотили Филиппо, и без обеда оставляли, а он все за свое: как уголек в руки получит, начинает рисовать – ну точно одержимый! Однажды разрисовал весь мощеный двор монастыря огромной сценой, как римский папа вручает отцу настоятелю устав монастыря. За неимением красок малевал зеленой землей. Закончил и ужаснулся: прибьет его настоятель! Но тот два часа по двору ходил – рисунок рассматривал. А потом повелел купить молодому послушнику кисти с красками. Так самоучкой Филиппо и начал осваивать азы живописи.

И все шло прекрасно до этих дурацких разговоров! Ну как душа одного художника может переселиться в тело другого?! Конечно, Филиппо лучше и быстрее всех копирует живопись Мазаччо, будто действительно свою собственную. Ему даже подарили кисти покойного живописца. Но ведь свои картины Липпи рисует по-другому. Хотя… Филиппо вспомнил только что написанную «Троицу». Она и вправду вышла похожей на фреску Мазаччо в церкви Санта-Мария Новелла. Да и, изображая Богоматерь, Липпи почему-то поло жил много киновари, как любил Мазаччо. Неужели и вправду его рукой водила кисть покойного? Может, он и впрямь одержимый?

«Конечно, святая церковь не верит богохульным наветам, но тебе лучше уехать из Флоренции!» – проговорил отец настоятель и отправил Липпи в Неаполь. Южный город встретил молодого художника непереносимой жарой. Как-то вечером истощенный пеклом Филиппо отправился с друзьями прокатиться на лодке вдоль берега. Светили звезды, дул легкий бриз. Товарищи и не заметили, как их унесло в море. Там их взяли в плен контрабандисты, а потом продали в рабство берберам. Вот когда начались настоящие мучения! Все тело Филиппо горело от побоев. Желудок сводило от спазмов голода. Да он съел бы сушеных скорпионов, если б только попались!.. По ночам в лихорадочных снах перед Филиппо возникали дневные картины – пытки, издевательства. Но однажды приснился странный сон – Мазаччо протянул ему уголек и сказал: «Ты должен использовать наш Дар!»

На рассвете Филиппо нарисовал углем на стене портрет хозяина в пышных берберских одеяниях. И произошло невероятное. Войдя в сарай для рабов, хозяин остановился, пораженный. Долго смотрел на свой портрет и вдруг повелел освободить художника и вернуть в Неаполь.

Конечно, из Неаполя Филиппо ринулся в родную Флоренцию. И снова начались заказы и странствия в их поисках. Художник – существо подневольное: идет туда, где платят…

Филиппо в сердцах пнул мольберт. Неужели он вырвался из берберского плена, чтобы всю жизнь корпеть в плену монастырских стен?! Конечно, кармелиты не требуют, чтобы он

вернулся в родные стены, разрешают художнику разъезжать по Италии в поисках заказов. Но ведь монахам это выгодно: к середине XV века фра Филиппо Липпи стал самым высокооплачиваемым художником, и десятина его заработков по-прежнему идет в монастырь. Липпи работал в Падуе, Прато, Пистойе, Перудже, и везде о его работах говорили, что они созданы так изящно и прекрасно, что лучше и не сделаешь. Фра Филиппо даже получил покровительство всесильного семейства Медичи. Да что Медичи – сам папа римский благоволил ему!

Сколько раз Липпи просил снять с него сан – и все без толку! А какой из него монах?! Он же обожает веселые компании, ни одной юбки не пропускает. О работе готов забыть, если предстоит свидание. Однажды пообещал правителю Флоренции Козимо Медичи написать картину, да, как на грех, подвернулась прелестная подружка. Чтобы заставить Филиппо работать, Козимо запер его наверху своего загородного дома. Так сластолюбец разодрал простыни на веревки и по ним спустился вниз. Бедный Козимо потом неделю искал своего живописца по притонам Флоренции.

Но теперь с этим покончено! Год назад, в 1450-м, греховодник остепенился. Липпи тогда писал фрески в женском монастыре Святой Маргариты в Прато. Монастырь был крошечный – низкие своды, глухие коридоры. На каменных стенах сплошная тьма. Измученный художник раздумывал, как бы положить на фрески побольше солнечных бликов, изобразить что-то светлое, струящееся, как золотистые женские волосы. Оторвался от рисунка и замер…

Она стояла рядом, мило переминаясь с ноги на ногу, и головной платок медленно сползал с ее волос, открывая золотой водопад. И во взгляде ее было столько тепла и света, сколь могло быть только в чистейшем взоре Мадонны. Потом Филиппо узнал, что она – Лукреция Бути, дочь флорентийского купца, чьи дела расстроились, и он отослал дочь в монастырь. Еще Филиппо узнал, что девушка пока не христова невеста. И сразу решил, что она ею не будет, чего бы это ему ни стоило. Он видел ее не в монашеской рясе, а в красивом платье. И еще он видел ее с младенцем на руках – со своим младенцем.

Свет земной и небесный! В 1456 году он украл ее из монастыря. И теперь все Мадонны, которых он рисовал, были похожи на Лукрецию – Мадонну его жизни. Но художнику было уже пятьдесят, а ей – всего восемнадцать. Он должен был обеспечить ее и, главное, жениться! Но как он, монах, мог сделать это?! И снова Липпи приснился тот странный сон, где Мазаччо шепчет: «Ты должен использовать наш Дар!» Наутро Филиппо отыскал заветные кисти, что когда-то принадлежали великому Томмазо, и начал рисовать как одержимый. Лукреция позировала ему целыми днями. И вот в монастырь полетело покаянное письмо, а к высокому покровителю Козимо Медичи отправились картины, где Мадонна с чистым обликом Лукреции благословляла мир. И случилось неслыханное! По ходатайству Медичи папа Пий II в 1461 году снял с Филиппо монашеский обет, и он обвенчался, наконец, со своей украденной Мадонной. К тому времени их первенцу Филиппино (Лукреция назвала его маленьким Филиппо в честь любимого мужа) было 4 года. И отец в восторге рисовал его рядом с матерью то в виде Святого Младенца, то в виде ангела. А в 1465 году родилась дочь Александра. И теперь счастливый отец рисовал целое семейство – Мадонну с двумя ангелочками.

В феврале 1470 года молодой, но уже известный при дворе Медичи живописец Сандро Боттичелли усердно работал над очередным алтарным образом. Почти не выходил из дому. Однажды чуть не заснул у мольберта, да вдруг услышал стук в дверь. Распахнул и замер: на пороге стоял двенадцатилетний сын его старого учителя Филиппо Липпи – Филиппино. Сандро знал, что полгода назад, в конце 1469 года, учитель умер таинственной смертью в городке Сполето, куда поехал расписывать тамошний монастырь. Говорили, что старый греховодник (художнику шел уже 64-й год) приударил там за очередной юбкой, и родственники опоили его отравленным вином. Но среди художников пошли слухи – Филиппо Липпи отра-

вили завистники, как некогда великого Мазаччо. «Раз дух Мазаччо переселился в Филиппо, то и конец его должен был стать таким же!» – сетовали живописцы.

И вот теперь маленький Филиппино стоит у дверей Боттичелли. «Матери тоже больше нет!» – бормочет он, утирая слезы. Боттичелли вздыхает и думает: «Видать, неугомонный Филиппо, как встарь, украл свою Мадонну – теперь уже на Небеса. А мне остается позаботиться о его сыне, пусть продолжит династию».

Сандро Боттичелли, величайший художник раннего Возрождения, сдержал слово – Филиппино Липпи стал известнейшим живописцем времен Высокого Возрождения. Как и отец, Филиппино славился бурными любовными похождениями, а еще обожал разные розыгрыши. Нарисовал однажды занавеску и поставил рисунок в нишу. А заказчику сказал: твоя картина за этой занавеской! И с хохотом смотрел, как заказчик пытался ее отодвинуть. Да что люди! Филиппино рисовал столь правдиво, что обманул даже пчел – поставил на окно нарисованный букет, на который слетелись сборщицы меда.

Словом, слыл Филиппино виртуозом кисти. И никто не удивился, когда именно ему поручили дописать фрески капеллы Бранкаччи, так и оставшиеся незавершенными со дня смерти Мазаччо. Филиппино принес бережно завернутые в тряпочку старые кисти, взял одну и с опаской окунул в краску. И случилось неожиданное – кисть, вспомнив давно забытую работу, заскользила по стене, потянув за собой упирающиеся пальцы Филиппино. Восхищенно вздохнув, он уже больше не сопротивлялся. И все, кто увидел его работу, признали ее достойной кисти самого Мазаччо. Но никому и в голову не пришло, что это действительно была та самая – его кисть…

А через некоторое время (шел 1504 год) 48-летний Филиппино вдруг захворал. И три дня спустя умер с кровавой пеной на губах. Лекари объявили – от лихорадки. Но художники Флоренции еще долго шептались, что беднягу Филиппино, как некогда Мазаччо и старика Липпи, отравили завистники. «А что поделаешь? – вздыхали живописцы. – Уж если дух Мазаччо вселился в Филиппино, как некогда в его отца, конец стал таким же. Уж больно мятежный дух у нашего Мазаччо – вечно требует великого мастерства. А мастерство – это всегда куча завистников. Вот вам и проклятье в действии!»

Весна Сандро Боттичелли

Сегодня мы называем эту картину культовой. «Рождение Венеры» вполне может поспорить с легендарной «Джокондой» за первенство картины номер один в мире. Вот уже шестой век Венера, созданная великим мастером раннего Возрождения Сандро Боттичелли, является символом женской красоты и загадочности, впрочем, так же, как и другие его женские образы. С первого взгляда видно: на всех работах великого мастера изображена одна и та же женщина. Но кто она?

Сегодня ее имя мало кому известно. А во второй половине XV века ее боготворили все, ибо она была музой искусства того времени и первой красавицей при дворе знаменитых флорентийских правителей и банкиров Медичи.

Ее с восторгом рисовали лучшие художники Возрождения – загадочную, прекраснейшую и в богатых одеждах, и беззащитной наготе. Однако сама она обнаженной ни одному живописцу не позировала. Каждый художник пользовался лишь собственным воображением. Великий Боттичелли был влюблен в нее всю жизнь. Она – его Венера, его Весна, его Мадонна и Афина. Она – Симонетта Веспуччи. И на картинах не только ее красота, но и ее тайна.

29 сентября 1469 года огромный флорентийский дворец Медичи – палаццо на Виа Агра – сиял как драгоценный камень. Тысячи свечей и сотни канделябров освещали пышный прием, который давал Лоренцо Медичи. Молодой Америго Веспуччи привел в палаццо родственников – кузена Марко Веспуччи с женой. Купец Марко оглядывался вокруг жадно и завистливо. Америго неприятны были такие взгляды. Сам он считал Медичи не только правителями Флоренции, но и частью своей жизни, ведь он не просто состоял при дворцовом карауле, но и дружил с обоими братьями. Он вообще никогда не повел бы во дворец жадного Марко, но месяц назад кузен вернулся из Генуи вместе с юной женой – дочерью удачливого купца Каттанеи. И вот перед шестнадцатилетней Симонеттой Америго не смог устоять. Она так просила взять ее во дворец! И за что этому Марко, уже растолстевшему в свои 25 лет, досталась такая красавица?!

Гранатовый зал приемов гудел как улей. Лавируя между гостями, Америго повел родственников к хозяину, шепча: «Бывший правитель Пьеро Медичи умер пару месяцев назад. Теперь все в руках его сына Лоренцо. Друзья называют его Великолепным. В нем и вправду все великолепно. Жаль только, что он не красавец».

Лоренцо с возвышения видел, что Веспуччи ведет к нему своих родственников. Он не любил приемов, но ради дружбы с Америго приготовил маленькую любезную речь. Марко с женой склонились в поклоне, распрямились… и Лоренцо забыл все слова. Он лишь молча смотрел на юную жену Марко. Мягкие золотистые локоны, темно-золотые с крапинкой глаза, чистый лоб и нежные алые губы. Боже! Она была похожа на Мадонну или на юную богиню. И Лоренцо впервые за 20 лет жизни пожалел, что он некрасив, невзрачен, мал ростом. Кем он может стать для такой красавицы?! К тому же в начале этого 1469 года он женился, чтобы успокоить умирающего отца. Ах, почему эта красавица не появилась во Флоренции, когда он был свободен?

Лоренцо медленно поднялся: «Я рад, что вы посетили мой палаццо, синьор Веспуччи!» Но речь его обрела неожиданную нежность, когда он повернулся к гостье: «Надеюсь, вам понравилась Флоренция, монна Симонетта?» Однако юная красавица молчала. Только начала тяжело дышать. Марко засуетился: «Простите мою жену за робость, мессир! Она родом из Порто-Венере, а там все женщины молчаливы. Да и вообще то место странное. Говорят, именно там родилась из пены морской сама богиня любви». Марко еще что-то говорил, но Лоренцо уже не слышал. «Венера!» – пронеслось у него в голове, и тут только он

осознал, что юная красавица по-прежнему молчит и смотрит мимо него. Лоренцо обернулся – сзади, в тени огромного кресла, стоял его младший брат 16-летний красавец Джулиано…

Не прошло и нескольких месяцев, как жизнь семейства Марко Веспуччи разительно изменилась. Чуть не каждый день, раздуваясь от гордости, Марко разворачивал очередное приглашение с золотыми вензелями. Вот что значит выгодно жениться! Красота Симонетты приносила большие проценты, чем ее громадное приданое. Марко заключил уже немало выгодных сделок по рекомендациям Медичи. К тому же оба брата буквально завалили Симонетту дорогими подарками. Но эту дурочку не поймешь. Больше всех драгоценностей ей оказались дороги надушенные бумажки со стихами. А уж если эта упрямица вобьет что в голову – никто не переубедит! Даже серьезный не по годам Лоренцо начал рифмовать строчки. При виде Симонетты этот молчун вздыхает и рассыпается комплиментами. Что уж говорить о младшем Джулиано, влюбленном по уши? Раньше этот гордец и повеса чуть не каждую неделю устраивал с дружками попойки, а теперь вдруг – нате вам! – воспылал любовью к искусствам. Собрал вокруг поэтов, музыкантов, художников, философов. Все сочиняют, рисуют, философствуют. Даже повеса Анджело Полициано, год назад на спор пролежавший весь день в городском фонтане, теперь пишет изысканные поэмы о любви. Вся эта компания любителей искусств называет себя «странниками в садах Медичи» и свои творения посвящает Симонетте, величая ее Прекрасной Дамой. Они даже устраивают рыцарские турниры в ее честь. Потому что все влюблены!..

25-летний придворный живописец семьи Медичи, Сандро Боттичелли, тоже влюбился в Симонетту с первого взгляда. Но кто он и кто она? Если даже сам Джулиано лишь платонически восхищается Прекрасной Дамой, то как быть простому художнику? Шесть лет Боттичелли восхищался музой только издали. И вот в конце 1475 года Джулиано заказал Сандро портрет своей возлюбленной. Боттичелли пришел в восторг – это судьба, наконец-то он сможет видеть красавицу вблизи, говорить с нею. Симонетта встретила художника в палаццо младшего Медичи не стесняясь – в мягком непарадном платье с полураспущенными волосами. Она быстро утомилась от сеанса и закашлялась. Со стаканом воды прибежал сам Джулиано. И Боттичелли вдруг понял – Симонетта больна!

Через неделю художник узнал, что доктора определили у нее чахотку. Перепуганный Америго, не дожидаясь возвращения Марко, повез кузину к морю в деревушку Пьомбино. Джулиано, соблюдая приличия, остался во Флоренции, но каждый день слал гонцов. 20 апреля Симонетта вернулась. Она никого не принимала, хотя врач и сказал, что ей лучше. Но надежды на выздоровление не сбылись. 26 апреля 1476 года Симонетта умерла. Через день ее похоронили в церкви Оньисанти в семейном склепе Веспуччи.

Лоренцо был в другом городе, но, узнав страшную весть, прискакал домой. Хоть он и загнал коня, но на похороны опоздал. Джулиано, закрывшись в своем палаццо, несколько суток прорыдал в голос. Симонетту оплакивала вся Флоренция. Ибо простой народ считал, что она мягко и ненавязчиво укрощает бурный нрав семейства Медичи. Один лишь Марко не особенно расстраивался и уже месяц спустя женился вновь.

Джулиано изменился до неузнаваемости. Стал необщителен и молчалив. Часто молился – просил Бога забрать его к Симонетте. Медичи даже забросили государственные дела. И это привело к трагедии. Через два года после смерти Симонетты, день в день – 26 апреля 1478 года – влиятельное во Флоренции семейство Пацци попыталось свергнуть Медичи. Группа мятежников ворвалась в кафедральный собор Санта-Мария дель Фьоре во время торжественного пасхального богослужения. Джулиано увидел опасность первым. Раскинув руки, он шагнул на заговорщиков. Будто хотел этим плавным жестом унять их злобу. Десятки кинжалов вонзились в его тело. Джулиано даже не успел вскрикнуть. Только взгляд его метнулся по церкви и ударил прямо в глаза Лоренцо. И тот понял – Джулиано шагнул к смерти сознательно. Ведь это был его долгожданный путь к Симонетте.

Сам Лоренцо был ранен кинжалом в шею. Верный Полициано отсосал кровь из раны – боялся, что кинжал был отравлен. Слава богу, горожане не поддержали Пацци. Мятеж провалился. Заговорщиков повесили. А Флоренция вновь погрузилась в глубокий траур – по красавцу Джулиано. Ведь он был так молод – всего 23 года…

А к лету по Флоренции поползли слухи. Будто бы красавица Симонетта умерла вовсе не от чахотки. Якобы, узнав о болезни возлюбленной, Джулиано послал за неким Домеником Салкедо. Синьор этот служил в тайной должности при дворе Медичи: он был ловцом вампиров. Желая любыми средствами сохранить возлюбленной жизнь, Джулиано повелел раздобыть вампира для Симонетты. Пусть лучше она тоже станет вампиром, зато не умрет, ведь вампиры живут лет по триста. Салкедо доставил во дворец отловленного где-то вампира. И после его укуса Симонетта действительно стала выздоравливать. Однако вскоре странные повадки начали проявляться и в поведении самого Джулиано. Он стал бояться солнечного света, перестал встречаться с друзьями. Поговаривали, что он тоже превратился в вампира. Осознав ужас ситуации, несчастная Симонетта бросилась вниз с высокой городской башни и разбилась насмерть. И еще начали поговаривать, что Пацци были правы, когда избавили Флоренцию от вампира Джулиано. И не казнить их надо было, а вознаградить.

Боттичелли услышал все эти дикие россказни в трактире. Господь небесный! Ну как можно вообще говорить о подобной чертовщине?! И что только не выдумают враги, чтобы опорочить Медичи!

Бедные Симонетта и Джулиано!.. Они просто хотели любить и быть вместе. И вот их нет. И никакая магия с вампирами и колдунами не сможет вернуть их к жизни. И только он – художник – сможет. Он нарисует их по памяти на одном портрете. Будто они позируют живые. И они навсегда останутся вместе.

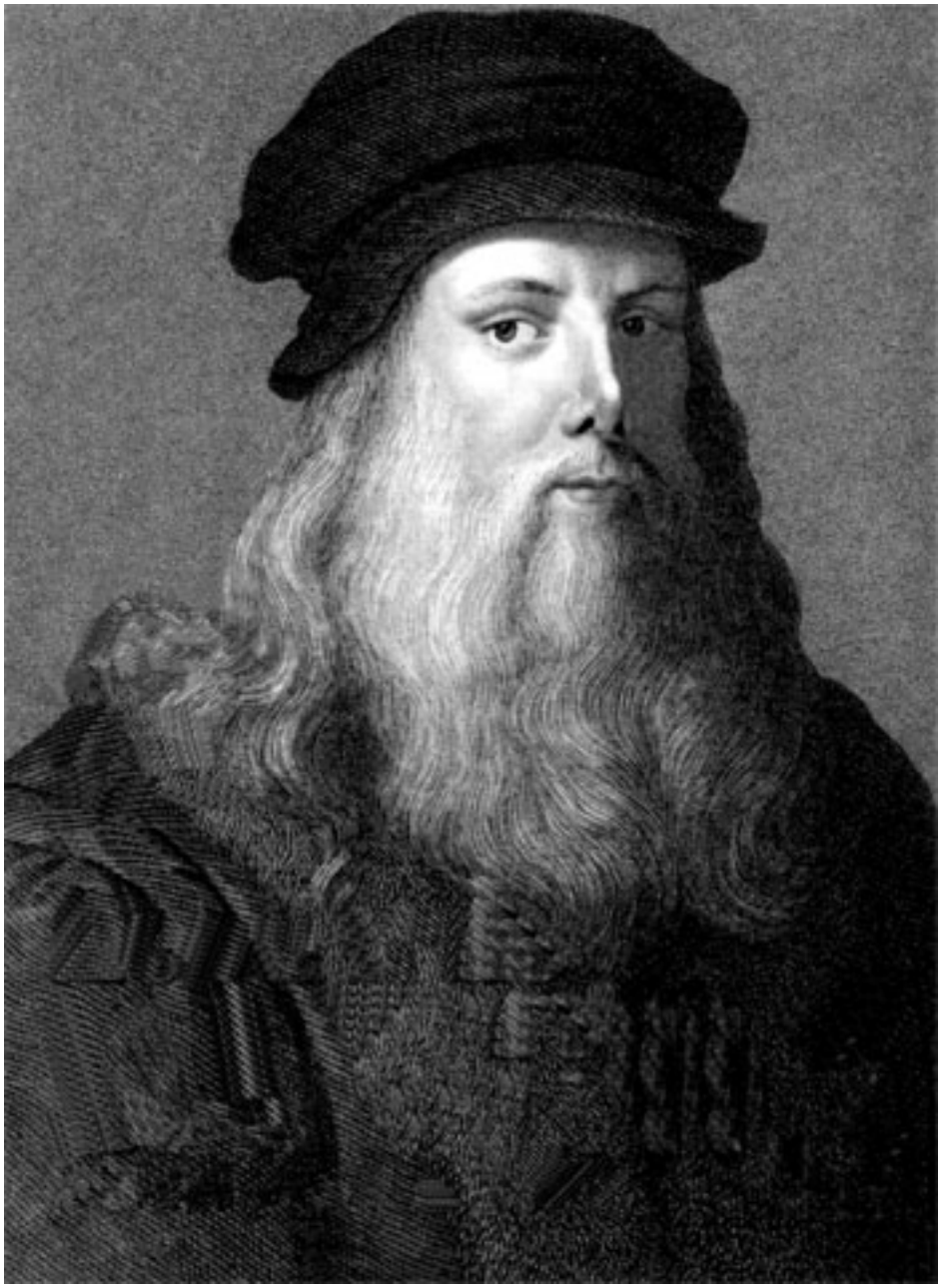
Художник схватил кисть. Он еще не знал, что всю оставшуюся жизнь будет рисовать красавицу Симонетту по памяти. Все грации и прелестницы его знаменитой «Весны» – она. Все богини и нимфы его аллегорий – тоже. И великая боттичеллиевская Венера, выходящая из пены морской, – она, Симонетта, которую недаром называли Жемчужиной Флоренции. В этих шедеврах – вечная Весна и вечная Жизнь Симонетты. И конечно, его – робкого влюбленного Сандро Боттичелли. Правда, многие удивляются: отчего прелестная, полная жизни и грации головка Венеры не подходит к почти неподвижному телу богини. Художник отшучивается: Венера еще не осознала, что родилась. Но самому ему понятно, в чем тут дело: он же никогда не видел своей обнаженной возлюбленной. К тому же после смерти Симонетты художник живет как монах, не встречаясь с красотками. Не потому ли он каждый день дорисовывает мазок за мазком на картине, не желая продавать «Рождение Венеры», что ждет: вдруг от последнего мазка она все же очнется?

Рок… Наваждение… Может, красавица и вправду была вампиром – приворожила кисть Боттичелли? Он уже никогда и никого не писал, кроме нее…

Последний великий художник раннего Возрождения, он пережил Симонетту на 34 года и завещал похоронить себя на кладбище Оньисанти. Там и был погребен 17 мая 1510 года рядом с Симонеттой Веспуччи.

«Джоконда»: тайны портрета номер один

О «Джоконде» не скажешь в двух словах: она вся состоит из сплошной тайны. Но все загадки упираются в два главных вопроса: кого изобразил на холсте великий итальянский живописец Леонардо да Винчи (1452–1519) и отчего изображенная дама (кем бы она ни была) оказывает на зрителей столь ошеломляющее, прямо-таки завораживающее воздействие?



Леонардо да Винчи

Сегодня портрет монны Лизы («Джоконда») самый известный в мире. Его фантастическая популярность привела к тому, что он стал абсолютно узнаваемым изображением, брендом и даже торговой маркой. По большому счету он стал символом самой человеческой

цивилизации. Вот только символом красоты он не стал. Непонятно, ведь на нем изображена, как уверяют нас вот уже полтысячи лет, наипрекраснейшая Лиза Гередини, добрейшая супруга флорентийского торговца Франческо дель Джокондо. Однако мир готов признать в этой даме любое достоинство, кроме перечисленных, ибо большинству людей она кажется некрасивой и уж совсем не добрейшей. Но почему же тогда все так рвутся посмотреть на нее?

Вот уже который век толпы посетителей мечтают хоть раз в жизни заглянуть в глаза женщины, которую служители Лувра зовут просто «Флорентийской дамой», а то и еще короче – «№ 779». Служители-то знают ей цену и никогда не останутся с ней наедине после закрытия музея. «Посмотрит – и жизнь высосет!» – говорят они. Впрочем, и зрители, толпящиеся перед портретом днем, часто уходят с дикой головной болью, а то и падают в обморок. В Лувре давно уже знают: если звучит команда: «Врача!», медикам стоит поторопиться в зал к «№ 779». Таково вот влияние красоты «Джоконды» – ну просто вампирское. Но народ все равно толпится – кто-то и разочаровывается, а кто-то ужасается увиденному, но все равно готовы прийти вновь. Да что за власть дана этой женщине над людьми?!

Спокойно. Начнем разбираться по порядку. Мы же определили две главные загадки «Джоконды». Итак, первая: кого изобразил Леонардо? Ответ дает исследователь искусства Возрождения – сам знаменитый Джорджо Вазари в своем труде «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих», составленном всего-то спустя 30 лет после смерти Леонардо: «Леонардо взялся написать для Франческо дель Джокондо портрет монны Лизы и, потрудившись над ним четыре года, так и оставил его незавершенным». Вазари также описывает подробности, которые Леонардо изобразил на портрете: «глаза, которые обладали блеском и влажностью», «розоватая и нежная кожа», «густые ресницы», «алость губ», «биение пульса на шее». Словом, «мадонна Лиза была очень красива». К тому же молода – к 1503 году, к которому относят создание портрета, ей было лет 20.

Мона Лиза. 1502

Ну а теперь вспомним «Джоконду» – «№ 779» из Лувра. Где же ее розово-нежная кожа, алость губ и прелестные очи, опушенные густыми ресницами?! Кажется, там же, где и ее 20 лет, – в прошлом. На портрете предстает зрелая женщина, много осознавшая и понявшая в этой жизни. Ее тонкие, уже давно бесцветные губы змеятся в иронической улыбке, словно она говорит зрителю: «У меня ужасный день, а ты заставляешь меня улыбаться. Право, я стараюсь… Что тебе еще от меня надо?!»

Дальше Вазари описывает, как Леонардо, дабы вызвать у портретируемой Лизы веселую улыбку и поддерживать ее легкое расположение духа, постоянно приглашал на сеансы музыкантов, певцов и даже шутов, чтобы молодая женщина смеялась. Но вспомните улыбку

Джоконды: она похожа на что угодно, только не на беззаботный смех. К тому же, помните, Вазари написал, что Леонардо удалось передать биение пульса на девичьей шейке. Правда, непонятно, как он сумел сделать это в той статичной позе, в которой восседает Джоконда. Ведь, чтоб было видно вену на горле, Лиза должна была повернуться на три четверти…

А теперь обратимся к описанию художника Франческо Мельци (1493–1570), любимого ученика Леонардо, сопровождавшего мастера во Францию, куда в последние годы жизни Леонардо пригласил король Франциск I, в замке которого великий художник и скончался, оставив королю в подарок свою «Джоконду». Именно так картина и оказалась во Франции. Так вот, Мельци описал «Джоконду» как «величайшее полотно живописного искусства». И его описание таково: девушка изображена в костюме Весны. Она чуть повернулась и немного склонила голову в характерном для Леонардо наклоне головы – именно так он обычно и изображал всех своих героинь, включая Мадонн. Слегка улыбаясь, девушка держит цветок-коломбину. Но ведь ничего этого нет и в помине на луврском портрете! Нет, портрет, конечно, явно леонардовский, но – девушка?! Или это вообще НЕ ТА девушка?..

Надо сказать, что многие исследователи творчества Леонардо задавали себе те же вопросы. И приходили к тому же выводу: на луврском портрете – никак не юная монна Лиза, вышедшая замуж всего четыре года назад и счастливая в браке. Но кто это? И откуда вообще известно, что она – супруга купца дель Джокондо? Оказывается, об этом рассказал все тот же Вазари Мельци, встречавшийся с летописцем в 1566 году. Впрочем, Мельци лишь упомянул, что портрет, с которым Леонардо никогда не расставался и который всю жизнь возил с собой, Мастер называл «джиокондо», что значит улыбающаяся. Так же стали называть его и ученики – сам Франческо и Андреа Салари (1480–1524). Словом, Мельци говорил не о фамилии, а о странно-завораживающей улыбке модели, изображенной на портрете. Улыбка действительно была не из рядовых. Вообще не из реальных улыбок, скорее – из таинственных метаморфоз. Вот только связал название луврской картины с фамилией не сам Леонардо или его ученики, а позже – лишь после разговора с Мельци – Джорджо Вазари. Дело в том, что исследователь знал, что у Леонардо была натурщица Лиза, которая вышла замуж за торговца по фамилии Джокондо. Ее портрет и написал Леонардо. Но является ли именно тот портрет нынешней «Джокондой» из Лувра? Та ведь предстает не в костюме Весны.

Но если «Джоконда» из Лувра – не монна Лиза, то где же тогда реальная?! Ответ на эту загадку еще в середине XX века предложил известный советский искусствовед и литератор, профессор М.А. Гуковский. Профессор был уверен, что портрет монны Лизы в костюме Весны существует. Вот уже несколько веков он спокойно висит в Эрмитаже в Санкт-Петербурге. Это картина, приписываемая кисти самого Франческо Мельци, – «Коломбина». Вот там-то действительно девушка в мифологическом образе Весны смотрит с милой и задумчивой улыбкой на цветок-коломбину. И улыбка ее «настолько приятная», как писал когда-то Вазари, что кажется не улыбкой женщины, но божественной Мадонны. И что еще показательно: в альбоме Леонардо найдены эскизы к этой «Коломбине». Да и то, что картина висит под именем Мельци, – косвенное подтверждение, ведь известно, что именно ему выпала честь заканчивать «Мону Лизу» Леонардо.

Но если это так, почему искусствоведы всего мира не выстраиваются у этого небольшого полотна в Эрмитаже? Новая реальная «Джоконда» – это же мировая сенсация! Надо же срочно ее переатрибутировать и, конечно, луврский портрет. Да только кто же отважится?! Кто решится на то, чтобы отнять у «№ 779» славу портрета номер один?! Ведь именно луврская дама – мировой бренд, символ…

Надеюсь, вы уже поняли, дорогие читатели, что никто и никогда не решится на переатрибутирование. Это потеря не только бренда, но, главное, – денег, выгоды, символа, обладания главным портретом мира…

Стоп! Но ведь, кем бы ни была «Джоконда» Лувра, взглянуть на нее едут и летят в Париж миллионы людей. Чем-то же она притягивает, завораживает, не отпускает, заставляет думать…

Итак, вторая загадка «Джоконды»: отчего эта картина оказывает на нас столь ошеломляющее воздействие?

Сначала разберемся: о чем мы думаем, глядя на картину? Вот несколько отзывов зрителей. «Кажется, она знает обо мне все. А я о ней ничего». «От этой картины становится не по себе». «Она интригует всех, но не открывает свою тайну никому». Словом, так или иначе, все говорят о некоей тайне.

Взглянем же без предвзятости. Что мы видим?

Далеко не юную женщину в простом, непарадном платье. Ее волосы распущены так, словно она позирует в домашней обстановке, ведь флорентийские дамы никогда не выходили на улицу без прически и простоволосыми. К тому же на пальце дамы нет обручального кольца. Может, она вдова? Или просто сняла кольцо? Но из истории мы знаем, что флорентийки никогда не снимали его, если только… Что – только? Если они не ждали ребенка! Ведь в интересном положении пальцы женщины отекали, и тогда неснятое кольцо могло причинить боль владелице. Так неужели луврская дама ждет ребенка? Невероятно, но это подтверждает и ее странное на первый взгляд положение рук. На самом деле – это охранительный жест. Дама прикрывает своего будущего ребенка и словно отталкивает от себя нескромные взгляды зрителей. Отсюда и ее странная улыбка и еще более странный взгляд – дама смотрит не на какой-то определенный предмет, не на зрителей. Она загадочно смотрит мимо, словно прислушивается к какой-то тайне в самой себе. Становится понятным и выражение лица, по которому читается: «Я знаю то, что вам неизвестно. Мне открыта тайна, но вам я ее не открою». Отсюда и взгляд несколько свысока, полный то ли скрытого сарказма, то ли презрения, ведь у этой Джоконды есть собственный мир, недоступный никому. Она – будущая мать – имеет сейчас полное право быть выше всех и больше всего любить сейчас саму себя. Ведь на самом деле она любит не себя, а своего ребенка.

Словом, Леонардо снова представил зрителям свой любимый и самый пронзительный мотив: мать и дитя. Любимый – понятно почему: культ Девы Марии – самый распространенный из человеческих культов. Но почему у Леонардо он такой пронзительный и таинственный? Все становится ясно, когда мы вспоминаем, что Леонардо – незаконный сын синьора да Винчи, прижитый им от служанки Катерины. Кстати, есть свидетельства, что она славянка по происхождению, взятая в плен турками, возможно, даже русская женщина. Так что Леонардо конечно же наш парень! Но не об этой загадке сейчас речь. Важно то, что мальчик вырос без матери. Ей крайне редко разрешали навещать сына. Не ее ли грустную, таинственную улыбку, сулящую не только неизбывную любовь, но и скорую разлуку, пытался всю жизнь запечатлеть на своих картинах Леонардо?

А то, что «Джоконда» не только портрет, но и картина, полная таинства, – видимый факт. На полотне не просто женщина – символ рождения человеческой жизни. За ней на заднем плане – всеобъемлющий пейзаж невероятного вида. Там горы и деревья, поля и озера. Природа в ее первозданной красоте. И если женщина ждет ребенка, то первобытная природа словно вмещает в себя зарождение всей жизни на планете. Героиня словно говорит зрителям: «Я владею всеми силами на этой земле, ибо за мной стоит сама природа».

Получается, луврская «Джоконда» – олицетворение всей природной жизни на планете Земля. Такой, какой видел ее великий художник Леонардо, который был еще величайшим изобретателем и ученым своего времени.

Да что там Земля! Ум Леонардо пытался охватить не только процесс зарождения жизни на планете, но и в космосе. Недаром его земное полотно обретает вселенские масштабы. Если взглянуть внимательнее, пейзажи за спиной Джоконды превращаются в некие косми-

ческие видения: скалы, лунный грунт, странная почва песчаных бурь. Да и земная женщина при более пристальном взгляде теряет тепло, покрываясь ледяным безвоздушным холодом. Земная цивилизация выходит на космические просторы. Недаром холодной и безжалостной, как древний космос, становится таинственная улыбка Джоконды. И становится понятно: она старше скал, что за ее спиной. Как звезды и планеты, она умирала сотни раз и столько же раз воскресала, брала силу у всех и каждого, словно вселенский вампир, но имела на это полное право. Ибо она познала и перестрадала все в жизни. А может, она и есть сама жизнь? И как сама жизнь, она притягивает и пугает одновременно. От нее хочется спрятаться, но невозможно оторваться. Она знает Будущее и потому соединяет в себе Добро и Зло.

И вот теперь она охраняет самое главное – ребенка, который должен родиться. И этого ребенка назовут Леонардо. Не потому ли портрет этой женщины так похож на автопортрет самого художника? Иначе и быть не могло: не изображение монны Лизы возил он с собой всю жизнь. Портрет супруги торговца давно был отдан заказчику. Теперь он висит в зале Эрмитажа. А вот с портретом матери, за неимением модели рисованным с самого себя, Леонардо не смог расстаться до последнего часа жизни. Ведь мать – та самая Вселенная, которая вмещает и планеты, и звезды, и космос. Та любовь, с которой все начинается.

И правы оказываются те, кто говорит: «Не важно, кого и когда изобразил великий художник. «Джоконда» не только достояние искусства – в ней весь смысл цивилизации».

Загадка Сикстинской Мадонны

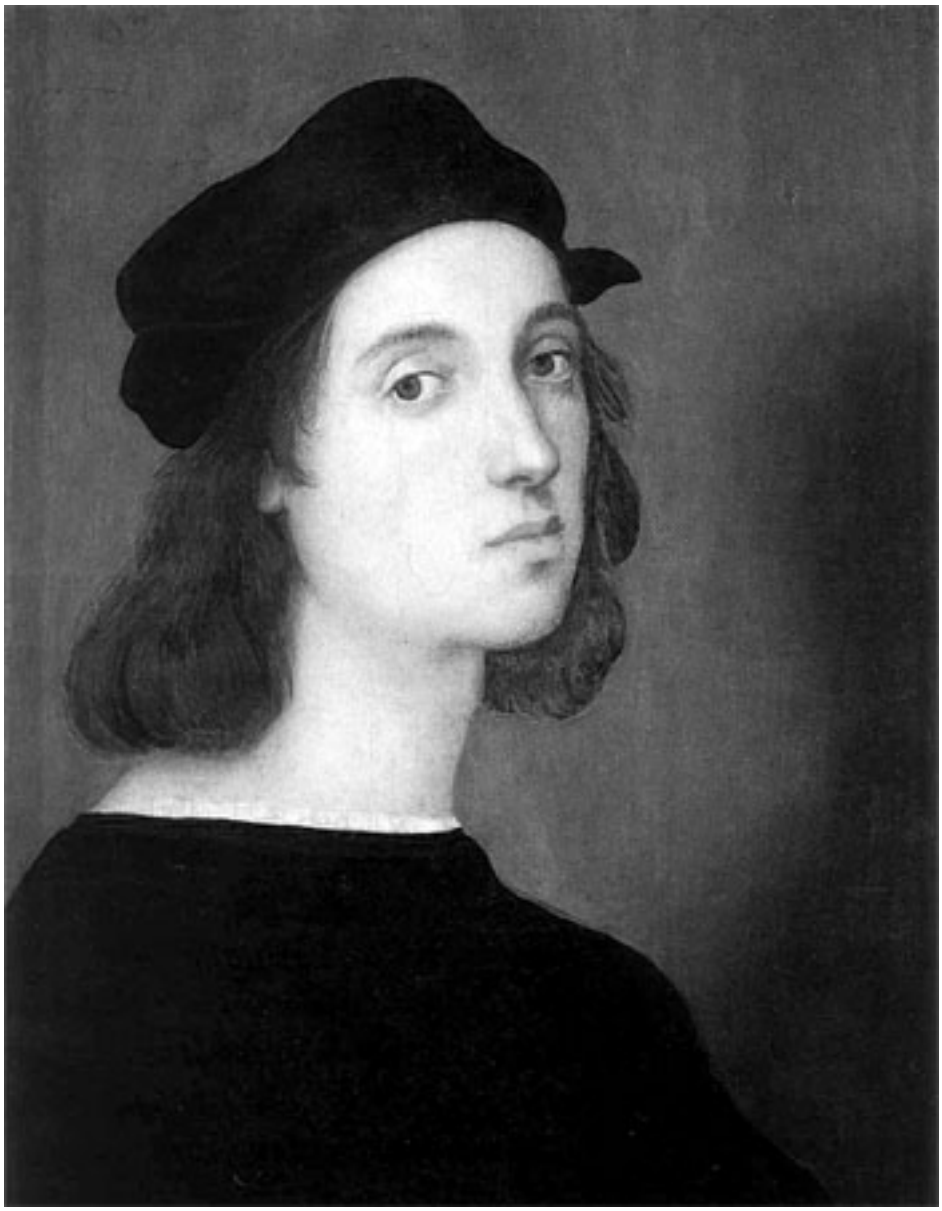
«Сикстинская Мадонна» – главная алтарная картина мира. Но кто послужил моделью великому Рафаэлю, оставалось тайной до XIX века. Имя натурщицы забылось. А может, было забыто специально? Ведь под кистью Рафаэля она явила миру лик Мадонны. Однако сама Маргарита Лути никогда не блистала святостью.

…Папаша Лути уцепился за дверь траттории и замахнулся на дочь: «Убирайся, деревенская блудница!» Маргарита отскочила, уклоняясь от удара отца. Что связываться с пьяным?

Было время, когда синьор Лути снабжал свежевыпеченным хлебом всю округу, но после смерти жены пристрастился к выпивке. В конце концов пекарня перестала приносить доход. Так что красавица Маргарита оказалась бесприданницей. Три года сидела на выданье, и только в начале этого 1514 года, когда ей исполнилось восемнадцать (последний срок, когда, по деревенским меркам, девушка могла выйти замуж), отец сбыл ее с рук, хуже того – продал за 50 дукатов. Ее, красавицу и умницу, – невежественному пастуху-грубияну Томазо Чинелли, который пасет скот местного богача синьора Киджи. До свадьбы было еще несколько месяцев, но жених, не дожидаясь колоколов, уже воспользовался всеми правами мужа. Маргарита стерпела – думала, это судьба. Но ошиблась…

В то утро она спряталась от приставаний Томазо в роще на берегу реки. Неожиданно со стороны виллы Киджи подошли двое. Один – высокий, черноволосый, одетый с изысканной небрежностью, но видно, что у лучшего портного. Сразу понятно: богач и модник. Второй – почти мальчик в мятой, забрызганной красками рубашке. Тоже ясно – подмастерье.

«Разве вы не будете заканчивать фрески, мастер?» – почтительно поинтересовался мальчишка. «Мне не с кого писать здесь Психею!» – махнул рукой его изысканный спутник. Он повернулся, и Маргарита узнала художника из Рима, которого банкир Киджи пригласил расписывать свою роскошную виллу. Кажется, его зовут Рафаэль Санти. Ему 31 год. Он слывет виртуозом кисти и любимцем папы римского. Но всем этим баловням судьбы лучше не попадаться на глаза. Маргарита попыталась тихонько скрыться, но сухие ветки затрещали под ногами. Миг – и противный мальчишка-подмастерье уже вытащил ее, смущенную и оробевшую, прямо пред взоры столичного мастера. Яркий солнечный луч ударил Маргарите в глаза. Она ничего не разглядела, кроме изумительного мужского лица, сквозь которое на нее светило солнце…



Рафаэль Санти

«Кто ты – нимфа или богиня?» – восхищенно ахнул Рафаэль. «Я всего лишь дочь булочника, синьор!» – зарделась Маргарита. «Выходит, ты – Форнарина, то бишь юная булочница! Впрочем, нет! Ты – Психея. И тебя послала мне Мадонна, чтобы я мог закончить фреску. Я ведь живописец из Рима. Ты бывала в Риме, красавица?»

Рим… Столица… Вечный город… Маргарита совсем смутилась. Ну кто бы мог предположить, что Рафаэль действительно возьмет ее с собой и она увидит Рим?..

Поразительно, но это чудо случилось. Поначалу, правда, отец запретил Маргарите позировать художнику. Кричал, чуть не драться кинулся. Но Рафаэль сумел его уговорить. Он вообще со всеми умел договариваться. Вот и папаша Лути притих, едва Рафаэль вытащил кошелек. Да и женишок Томазо отстал, пересчитав свою долю. В общей сложности Рафаэль выложил «родственничкам» за Форнарину 3 тысячи дукатов. Это же какие деньги!..

Сикстинская Мадонна 1513–1514

Рим встретил Маргариту соблазнами большого города. Рафаэль снял своей красавице прекрасный дом, накупил модных нарядов и драгоценностей. Сам приходил чуть не каждый день, приносил подарки и красиво объяснялся в любви. Но о свадьбе не заикался. Маргарита понимала: сколь ни сильна любовь, на таких, как она, не женятся. Иногда она думала: может, лучше было бы остаться дома и выйти замуж за пастуха Томазо? Тогда она была бы почтенной женщиной. Но не знала бы любви. А за любовь Рафаэля Маргарита была готова на все – даже на то, что ее считают падшей.

Впрочем, в блистательном Риме таких, как она, величали «по-благородному» – куртизанками. Хотя, как ни назови, суть не изменится. Конечно, многочисленные друзья, которых Рафаэль приводил к ней, дабы погордиться красотой новой пассии, улыбались Маргарите и даже целовали ручки, но в свои почтенные дома не приглашали никогда. Однако быстро нашлись и иные знакомые: почуяв легкую добычу, в дом к «новенькой» потянулись искатели

любовных радостей. И никто не понимал, отчего красавица не принимает ничьих ухаживаний.

Ну как объяснить им, что для нее ярче всех увеселений тихие вечера, проведенные с Рафаэлем? А тот все чаще приходит к ней с кистями и красками. Ему нравится рисовать возлюбленную. В конце концов, художник устроил в ее доме настоящую мастерскую.

Рисуя, Рафаэль рассказывал о себе. Маргарита узнала, что родился он в Урбино в Страстную пятницу 6 апреля 1483 года. Его отец, Джованни деи Санти, был придворным живописцем герцога Урбинского. И сама герцогиня Елизавета Гонзага покровительствовала мальчику.

Теперь Рафаэль – известнейший живописец. Знатнейшие заказчицы роем вьются вокруг, но Рафаэль рисует ее – Маргариту. О чем же еще мечтать? Может, только о том, чтобы он не комкал ее портреты, смеясь: «Я на тебе учусь».

Разве Маргарита не понимает, что ему нечему учиться? Ведь он и так волшебник кисти. Но Маргарита понимает и другое: портрет куртизанки не повесишь в гостиной почтенного дома. Вот он и летит в мусорную корзину.

Но однажды, придя к Маргарите, Рафаэль долго смотрел на возлюбленную и вдруг сказал: «Я пишу для собора в Болонье «Святую Цецилию» и слева от нее хочу изобразить тебя как Марию Магдалину».

Мария Магдалина – куртизанка времен Христа. Маргарита стиснула зубы. Конечно, кого же еще с нее писать?..

Но весной 1515 года Рафаэль ворвался, загадочно блестя глазами: «Монахи из монастыря Святого Сикста заказали мне алтарную картину – Мадонну с Младенцем. Слева на картине я напишу покойного папу Сикста, справа – красавицу святую Варвару. А внизу – двух маленьких ангелочков». – «И кого ты будешь писать с меня – ангелочка?» – тихо осведомилась Маргарита. «Мадонну!» – выдохнул Рафаэль.

Маргарита в ужасе уцепилась за край стола: «Я не могу быть Мадонной! Я грешница! Я знаю, как страшна жизнь…» Рафаэль жестко вскинул глаза: «Именно так! Ты видишь, как страшен мир, но тебе придется принести в него самое дорогое – свое дитя… Вдохни глубже, Маргарита! Этому миру не нужна глупая девчонка, не ведающая, что творит. Этому миру нужна героиня…»

Маргарита решила стать достойной своего возлюбленного. Понимая, что при всей красоте она всего лишь «деревенщина», девушка начала учиться правописанию и счету, танцам и хорошим манерам. Теперь она могла играть на лютне, сочинять стихи и писать вполне литературные «куртуазные записки» возлюбленному. Она старалась, как могла. Но осенью 1519 года по Риму поползли слухи: кардинал Биббиена хочет выдать за Рафаэля племянницу – Марию Довици. Биббиена всегда покровительствовал Рафаэлю, поручил написать собственный портрет, подыскивал новые заказы. Теперь он обещал похлопотать за художника перед папой Львом X, чтобы тот за особые заслуги перед Ватиканом пожаловал Рафаэлю кардинальскую шапку.

От такой новости Маргарита похолодела. Она прекрасно понимала, что если Рафаэль откажет кардиналу, то рискует остаться без выгодных заказов. А ведь художник еще с детских лет при урбинском дворе привык жить на широкую ногу, как богатый вельможа.

«И когда же помолвка?» – чуть слышно прошептала она. «Через четыре года. А за это время все может случиться! – беспечно улыбнулся Рафаэль. – К тому же если я выполню заказы папы Льва X, то перестану оглядываться на Биббиену».

Теперь Рафаэль трудился по 20 часов в день. Но ведь такая работа – на износ. Однажды он ввалился в дом к возлюбленной в настоящей лихорадке. Что-то бормотал всю ночь. Утром Маргарита попыталась его удержать, но он вырвался. Кричал, что срочно должен закончить

картоны для новой фрески. Хлопнул дверью и ушел. А на другой день чуть свет прибежал его верный ученик Бавьеро. Задыхаясь, закричал с порога: «Маэстро при смерти!»

Маргарита в чем была кинулась к Рафаэлю. Тот, бедняга, еле дышал. Лекари не нашли лучшего средства, как пустить ему кровь. Ему – и до того вымотанному работой и лихорадкой!.. Через пару часов прибыл кардинал-исповедник из Ватикана. Презрительно покосился на Маргариту, сидевшую у постели возлюбленного, держа его за руку, и процедил: «Я не могу передать благословение святейшего папы в присутствии этой женщины. Она – не венчанная жена!»

Художник с усилием разлепил веки и прошептал: «Нас венчала жизнь. И Бог не был против…» Кардиналу пришлось исповедовать Рафаэля в присутствии Маргариты. Уходя, он бросил: «Святой художник и падшая женщина! Создатель Мадонны и блудница!» Как будто этот надутый индюк не знал, что именно она, блудница, и была рафаэлевской Мадонной…

Наутро, в Страстную пятницу 6 апреля 1520 года, Рафаэля Санти не стало. Ровно через 37 лет, день в день, как он родился. Говорят, тот, кто умер в день рождения, прямиком попадает в рай.

Присутствовать на похоронах Маргарите не разрешили. Тогда она надела то самое наголовное покрывало, в котором позировала для «Сикстинской Мадонны», и пошла в близлежащую церковь. Разве Мадонна не услышит ее повсюду?..

Через день прибыл поверенный. Оказалось, Рафаэль отписал возлюбленной приличное состояние. Ничуть не стесняясь похорон, в дом Маргариты повалили многочисленные поклонники, соболезнуя и пылко интересуясь: кого теперь выберет в покровители эта донна – прелестная и к тому же весьма обеспеченная? О, Маргарите даже сделали пару предложений! Ей – презренной куртизанке…

Маргарита не выбрала ни одного из щеголей. Она приняла ухаживания своего земляка, синьора Киджи, давнего друга Рафаэля. Но синьор был стар и в одночасье умер. И Рим снова всколыхнулся слухами: «Эта женщина угробила и синьора Киджи! Может, она – вампир?»

Вот тогда-то Маргарита и укрылась в стенах небольшого монастыря – подальше от ненавистного Рима. Ехала в смятении: а вдруг ее, блудницу, не примут? Но оказалось, при ее теперешних деньгах матери настоятельнице все равно, кем она была. Маргарита постриглась в монахини и приняла новое имя. Впрочем, имя было привычным – она стала МАРИЕЙ.

Гений и злодейство

Эта тайна вошла в историю как знаменитое «венецианское убийство». Еще его называли «блестящим злом» или «схваткой великих», ибо оба участника этого загадочного преступления считались великими мастерами славного города Венеции, а их творения современники без тени лукавства называли блестящими. За свои заслуги в живописном деле, прославляющем Венецию, оба они получили почетное звание «Сын города». Имя одного из них мы и сейчас произносим с эпитетом «великий» – это Тициан. Имя другого почти забыто – это Антонио Порденоне.

Тициан Вечеллио (1476/1477 или 1488–1576) еще при жизни был признан великим. Кроме того, ему покровительствовали не только венецианские власти, но и сам Карл V – император Священной Римской империи. Может, поэтому он сумел преодолеть обвинение, брошенное ему людской молвой. В 1539 году жители сразу двух городов Италии – Венеции и Феррары – обвинили Тициана в убийстве известного венецианского живописца Порденоне.

Джованни Антонио ди Анджело де Лодесанис де Сакки (ок. 1483–1539), прозываемый Порденоне по местечку, где он родился, был очень моден и любим в Венеции. Он с огромным успехом работал также и в других городах, даже в самом Риме. Например, в Кремоне он написал «Распятие», поразившее зрителей экспрессивным и совершенно необычным ракурсом, на котором Христос словно пытается вырваться с креста ценой неимоверного, почти нечеловеческого усилия. Слава Порденоне постепенно достигла таких высот, что современники начали ставить его выше Тициана, стравливая тем самым обоих мастеров. Конечно, это не нанесло Тициану большого урона как художнику, но весьма ударило по материальной стороне его жизни, поскольку многие заказы перешли к его сопернику.

Однако и Порденоне оказался измотан этим бурным творческим соревнованием, ведь ему приходилось создавать картины и фрески в самые короткие сроки, чтобы удовлетворить многочисленных заказчиков. Это вымотало художника, и в 1539 году он уехал в Феррару – город более спокойный, нежели вечно бурлящая Венеция.

Порденоне хотел отдохнуть, набраться новых сил. Однако буквально сразу по приезде он скоропостижно скончался. Любопытные видели, как это произошло. Художник сидел в траттории, обильно закусывал и пил молодое вино. Вдруг он вскрикнул, захлебнулся вином и упал лицом в столешницу. Добрые люди понесли его наверх, в комнаты для гостей. Он пролежал там пару дней и умер, не приходя в сознание.

И все бы ничего, да вот доброхоты видели, как в миг, когда Порденоне захлебнулся вином, из траттории стремительно выбежал человек в черном плаще. И доброхоты утверждали, что этот закутанный в плащ человек весьма походил на соперника бедного живописца Порденоне – Тициана Вечеллио. Выходит, этот завистник не стерпел чужой славы и ухитрился отравить вино, которое выпил Порденоне.

Обвинение было абсурдным. Мало того что Тициан в те дни не ездил в Феррару: многие знали, что он писал срочный заказ, не выходя из мастерской. Но все равно слухи росли. И только вмешательство официальных властей их прекратило.

Но и тут нашлись злобные языки. «Этого придворного маляра, Тициана, просто отмазали!» – утверждали они. Говорят, почти через сорок лет, умирая, патриарх Тициан (ему ведь было то ли сто, то ли за девяносто лет!) каялся в многочисленных грехах, но божился, что не виноват в смерти Антонио Порденоне. Но ему мало кто поверил.

Впрочем, убедиться в зависти и коварстве всегда привычней. Ибо это эффектней, ярче, красочней. Это разжигает огонь в крови. Но и еще приятней – убеждает, что никаких гениев нет, они, как и все смертные, при случае могут пасть ниже низкого – стать кто вором чужого сюжета, а кто и вовсе убийцей собрата по творчеству. И никто не задумывается о том,

что гении не убийцы, ведь убийцы не останутся гениальными. Ибо Зло губит Талант, сводит его на нет. Недаром же наш Пушкин скажет впоследствии: «Гений и злодейство – две вещи несовместные!» Ведь Тициан еще много лет (он прожил почти век!) творил шедевры. Правда, и загадок в его судьбе осталось множество…

Тициановская сивилла

Старый князь Гогенлоэ неспешно писал мемуары. Воспоминаний хватало: князь вел полную опасностей жизнь прусского генерала. Его ценили не только в родной стране: сам русский император Александр I за мужество в борьбе с Наполеоном наградил Гогенлоэ орденом Святого Андрея Первозванного. Но старый вояка вспоминал не о наградах. Он обмакнул перо в чернила и вывел:

«У некоторых полотен есть собственная жизнь – таинственная и непредсказуемая, когда ни автор, ни владелец не в силах ничего изменить. Можно только рассказать потомкам. Итак, случилось это десять лет назад…»

Приближалось Рождество 1795 года. Гогенлоэ направлялся в Несвиж, во владения своего давнего друга – князя Радзивилла. Впервые в жизни он выполнял странное поручение – сопровождал шестилетнюю девочку, маленькую графиню Агнессу Ланскаронскую. Ее родители умерли, и теперь сиротке предстояло жить у дяди – князя Радзивилла.

Всю поездку девочка была тиха и ко всему безучастна. Ни о чем не спрашивала, ничем не интересовалась.

«Ничего! – думал генерал. – В гостеприимном семействе Радзивиллов она быстро придет в норму. Будет играть с детьми князя, повеселеет и постепенно забудет свое горе».

Экипаж медленно подкатил к парадной лестнице Несвижского замка, который уже почти двести лет служил главной резиденцией князей Радзивиллов. Нынешний князь с гордостью рассказывал, что его род, один из самых уважаемых в Речи Посполитой, известен почти десять столетий и ведет начало от высшего жреческого сословия древней языческой Литвы. В память об этом Радзивиллы собирали книги и манускрипты о старинных магических обрядах, картины и рисунки, изображавшие древних пророков и античных предсказателей.

Наконец экипаж остановился. Генерал Гогенлоэ вздохнул: в Европе неспокойно, разрастается пожар Французской революции, а здесь, в глухой провинции, покой и зачарованная тишина. Тут можно отдохнуть душой. Странный вздох прервал мысли генерала. Маленькая Агнесса тихо произнесла: «Как здесь красиво! Я никогда отсюда не уеду…»

С тех пор девочка прожила в замке три года. Несвиж стал почти родным. Но была в нем одна тайна. И сегодня ночью Агнешка решила эту тайну раскрыть. Ну или хотя бы понять…

Девочка откинула одеяло и прислушалась. Слава богу, гувернантка спит в своей комнате. Даже слуги наконец-то угомонились. В доме родителей Агнессы не было такого количества слуг. А в Несвижском замке и шага не ступишь, чтобы кто-то не оказался рядом. Но сейчас Агнессе никто не нужен. Девочка неслышно выскользнула из постели, тихо отворила дверь и вышла. Коридор, переход, анфилада и вот, наконец, парадный зал. Маленькой «путешественнице» явно везло – она никого не встретила.

Зал обдал девочку таинственной холодностью и строгостью, будто не желал, чтобы кто-то чужой постигал его тайны. А их было множество! В зале размещалась одна из лучших коллекций Европы – картины, статуи, драгоценные камни, ювелирные украшения. Сокровища, собранные многими поколениями Радзивиллов, поражали воображение. Конечно, сейчас, ночью, все это тонуло во мраке, ведь в зале горело всего несколько дежурных свечей. Но маленькой Агнессе хватило бы и одной. Ее не интересовали ни алмазы, ни рубины. Подняв канделябр, девочка шагнула к центральной стене. Ее интересовала только вот эта женщина – красавица с волосами цвета граната, жгучими глазами и странной призывной улыбкой. Она глядела на девочку из тяжелой позолоченной рамы, но казалось, еще миг – и она легко скользнет вниз, на роскошный мозаичный пол зала. Агнесса видела эту картину

уже несколько раз, и всегда ей чудилось: красавица зовет, хочет сказать что-то, только не может сделать это днем, у всех на виду. И вот Агнесса пришла к ней ночью.

Страшный крик пронзил темноту. Захлопали двери замка, послышались быстрые шаги. Слуги вбежали в парадный зал. На полу без чувств лежала маленькая графиня Ланскоронская. А рядом стоял канделябр. Хорошо, хоть пожара не случилось…

Утром недовольная княгиня Радзивилл вошла к племяннице: «Я привела к тебе нашего библиотекаря, Агнесса! Он расскажет тебе о картине, и ты сама поймешь, пугаться нечего. Это почтенное творение великого венецианского художника Тициана». Княгиня смерила племянницу презрительным взглядом и удалилась.

К кровати девочки подошел библиотекарь замка – маленький сморщенный человечек неопределенного возраста: «Вы хотели узнать о «Кумской сивилле», ваша светлость? Этой картине двести пятьдесят лет, и уже двести лет она висит в нашем замке». Агнесса приподнялась на подушке: «Кто эта сивилла?»

Библиотекарь заулыбался: «Сивилла – по-гречески значит «женщина-предсказательница». Тициан изобразил одну из античных пророчиц, которые жили в храме Аполлона в Кумах – древнегреческой колонии на территории нынешней Италии. Считалось, что дар предсказания сивиллы получали от античных богов, и потому все люди их уважали. Даже римские правители чтили сивилл. Самая знаменитая кумская сивилла по имени Демофила однажды явилась к царю Тарквинию Гордому и предложила ему за большие деньги купить у нее девять книг, в которых кумские сивиллы записали свои пророчества. Тарквиний презрительно отказался. Тогда Демофила бросила три книги в огонь. «Треть мудрости погибла! – произнесла она. – Но цена за оставшуюся та же!» Тарквиний скривился: «Я не стану платить за шесть книг, как за девять!» Демофила хладнокровно бросила в огонь еще три книги: «Тогда придется заплатить за три книги, как за девять!» И тут двери открылись, и в ноги царю бросились его советники: «Купи хотя бы последние книги, повелитель!» Случилось это в VI веке до нашей эры. Тогда Тарквиний передал три оставшиеся «Книги сивилл» в римский храм Аполлона, и вынимались они только в случае крайней необходимости, когда нужно было сверить судьбу государства».

«И где теперь эти книги?» – поинтересовалась девочка. Библиотекарь улыбнулся еще шире – если сейчас девочка интересуется историей, как же приятно будет учить ее, когда она подрастет. А вслух он сказал: «В IV веке нашей эры книги сгорели. Но не стоит горевать. Пророчества сивилл редко предсказывали счастье, чаще грозили всем бедой».

И тут Агнесса вскочила: «Какое мне дело до всех?! Эта сивилла грозила бедой мне!»

Странные дела начали твориться в Несвижском замке. Когда по праздникам семья Радзивилл собиралась в парадном зале и к взрослым должны были присоединяться дети, гувернантке приходилось силой приводить Агнессу. Но уже через несколько секунд бедную девочку начинала бить дрожь, на глазах выступали слезы и она, вырываясь, убегала. Ни уговоры, ни наказания не помогали. Агнесса боялась таинственной картины. В остальном же она была примерной девочкой… Училась с удовольствием, читала много. Часто заходила в библиотеку и беседовала с хранителем книг. Однажды дождавшись, когда разойдутся другие посетители, быстро прошептала: «Расскажите о Тициане и его картинах!»

Библиотекарь добросовестно начал рассказывать, что художник прожил без году сто лет и умер в Венеции в 1576 году. Был он богат, знатен и почитаем за свои творения. «Прямо ангел какой-то!» – фыркнула Агнесса.

Библиотекарь вздохнул и поведал, что и с этим ангелом случилась зловещая история. Он был на вершине славы, когда современники начали превозносить до небес творчество другого живописца – Антонио Порденоне. И вот, говорят, Тициан не выдержал этого и на одной из пирушек подмешал яд в вино соперника.

Библиотекарь поднял глаза на слушательницу и пожалел, что вспомнил об этой зловещей легенде. Агнесса задрожала и вскрикнула: «Убийство!»

Хлопнула дверь, и перепуганная девочка выбежала из библиотеки.

Теперь Агнесса страшилась картины Тициана до такой степени, что обходила всю центральную часть замка, где размещался парадный зал. Когда же госпожа Радзивилл звала племянницу к себе, та предпочитала переходить из своего крыла в покои благодетельницы через двор. Даже если на улице дождь или снег – лучше промокнуть насквозь, чем увидеть проклятую сивиллу!

Но годы шли, Агнесса из девочки превратилась в прелестную 18-летнюю девушку, и к ней посватался молодой, красивый и богатый жених. Все бы чудесно! Но вот на праздники, устраиваемые по случаю обручения, невеста не являлась, ведь все они проходили в том самом парадном зале, где висела зловещая «Сивилла» Тициана. Князь Радзивилл объяснял жениху, что бедная Агнесса просто смущается толпы гостей. Не рассказывать же будущему родственнику, что ему досталась невеста со странностями! Но однажды в Несвижский замок приехали родители жениха, был объявлен бал на всю округу. Накануне вечером княгиня Радзивилл пришла в покои воспитанницы: «Надо взять себя в руки, Агнесса! Вспомни, что ты принадлежишь к славному и мужественному роду графов Ланскоронских».

И вот Агнесса, одетая в воздушное белое платье, расшитое драгоценными жемчужинами, вышла к гостям. После торжественного обеда подруги повели ее, как подобало по старой традиции, по украшенным анфиладам замка. Потом жених представил нареченную родителям в Малом зале. Там же все выпили шампанского. Началось веселье, зазвучали здравицы и поздравления.

Князь и княгиня Радзивилл переглянулись – слава богу, все шло чудесно. Княгиня поманила воспитанницу, и втроем они вышли из Малого зала. «Тебе следует немного освоиться!» – прошептал князь и, подведя Агнессу к дверям парадного зала, неожиданно втолкнул ее внутрь.

Невеста попыталась открыть двери, но тщетно – князь не давал. «Тебе нужно преодолеть свои детские страхи!» – крикнул он.

Агнесса в ужасе застучала по двери: «Умоляю, откройте! Неужели вы не понимаете: этот художник – убийца, а его сивилла пророчила мне гибель!»

Вопли девушки становились все громче. Взволнованная княгиня кинулась к мужу: «Откройте, князь!» И в это время за дверью раздался страшный грохот. Радзивилл вбежал в зал.

Бедная Агнесса лежала на мозаичном полу. Ее череп был раскроен проклятой картиной, сорвавшейся со стены. Но сама «Кумская сивилла» не пострадала ни капельки, даже тяжелая позолоченная рама не треснула. Роковая красавица глядела с полотна вполне осмысленно и даже укоряюще. Пронзительные черные глаза словно говорили: «Я же предупреждала! Почему вы меня не послушались?!» Но кто же со времен Кассандры слушается пророчиц?..

…Генерал Гогенлоэ дописал страницу своего дневника. Когда-то он был на том самом празднике, обернувшемся трагедией. На похоронах юной Агнессы Ланскоронской он стоял рядом с библиотекарем замка Несвиж. «А Тициан-то оказался прав!» – горестно вздохнул тот. Гогенлоэ изумился: «Что вы имеете в виду?» И старый библиотекарь ответил: «Существует легенда, что умирающий художник покаялся в том, что на одной из своих картин изобразил невиданного убийцу. С тех пор знатоки искусства гадают, что он имел в виду. А может, гадать уже не стоит? Разве зловещая картина не самый невиданный убийца?!»

Загадка отсутствующего портрета

В зале Совета десяти Дворца дожей в Венеции помещены портреты всех правителей, возглавлявших Венецианскую республику. Но одна овальная рама задрапирована черным крепом и помечена надписью: «Здесь мог бы быть Марино Фальер». Загадка этой «черной рамы» будоражит воображение туристов со всего света и по сей день.

События эти начались 11 сентября 1354 года, когда блестящий венецианский патриций – полководец и дипломат Марино Фальер – был избран 55-м дожем Венеции. Этот уникальный государственный пост давался пожизненно и делал своего обладателя государем Венецианской республики. Вот только реальная власть и права дожа были строго ограниченны. На деле всем заправляли Большой совет и Совет десяти, который являлся и судом, и трибуналом, и карающей рукой – этакой своеобразной государственной инквизицией. Именно с его подачи Фальер и был избран дожем, и, невиданное дело, заочно, поскольку находился в Риме, улаживая при папском дворе дела Венеции.

Богатый, властный и честолюбивый, Фальер слыл «лучшим из венецианцев». Как дипломат, он не раз успешно разрешал споры с соседями Венеции. Как полководец, выиграл немало битв. При осаде города Зары разбил 80-тысячную армию венгерского короля, а командуя флотом республики, победил в легендарном сражении под Капо-д'Истрия. К тому же он давно перешагнул 60 лет – почтенный возраст, с которого, как гласит закон, можно выбирать мудрого дожа. Теперь ему почти восемьдесят. Словом, Фальер был убежден, что его избрание дожем – наилучший выход. Только вот Судьба, возможно, думала иначе…

Прервав свою дипломатическую миссию, новоявленный дож поспешил на родину. У венецианского берега он пересел на величественную ладью дожа «Буцентавр». Но неожиданно на море опустился густой туман. Из-за него огромная ладья не смогла доставить нового правителя прямо ко Дворцу дожей, как полагалось при традиционном Первом Входе в город. Пришлось пересаживаться на маленькую юркую гондолу. Хорошо, хоть та, немного попетляв по каналу Сан-Марко, сумела причалить. Фальер перекрестился и ступил на мощенную камнем набережную. Но, едва разобрав в тумане очертания ближайших домов, ужаснулся. Гондольер высадил его не перед Дворцом дожей, а левее – на том самом Проклятом месте, где вот уже сотни лет устраивались казни преступников. «Не к добру это», – подумал дож, однако отступать уже было поздно.

Через несколько дней состоялся традиционный обряд «Обручения Венеции с морем». Сначала в залив вышла барка, задрапированная малиновым бархатом, в которой сидело высшее духовенство города. Святые отцы читали молитву, благословляя морские волны. За кораблем духовенства в благословенные воды в сопровождении лодок со знатными венецианцами устремился величественный «Буцентавр», над которым гордо развевался флаг республики. С берега процессию провожали звон колоколов и напутственные крики горожан. На палубе «Буцентавра» на алом троне гордо восседал Марино Фальер в горностаевой мантии. На голове его блистала корона дожа, украшенная 70 редчайшими алмазами, рубинами и изумрудами, не говоря уже об отборном жемчуге. Когда галера дожа вышла к острову Лидо, Фальер торжественно поднялся с трона и исполнил древний обряд – бросил от имени Венеции в морские волны золотой перстень.

Эжен Делакруа. Казнь дожа Марино Фальера.1826

«Мы обручаемся с тобой в знак истинной и вечной власти!» – зычно выкрикнул он символические слова. А сам подумал: кто более него подошел бы для такого обряда, ведь именно его имя Марино означает «морской». И теперь, когда море приняло его перстень, он – истинный владыка моря и суши.

Во дворец Марино явился взволнованный и разгоряченный. Сунул руку в потайную складку своего парадного одеяния, надеясь найти там платок, чтобы вытереть пот со лба, но пальцы нащупали массивное кольцо. Покрывшись холодным потом, Фальер вынул его и ахнул – это был тот самый перстень дожа, который он бросил в волны Адриатики.

Как такое могло случиться?! Неужели море не приняло его дар и обручение не состоялось?! Значит, это еще одно предостережение Судьбы и плохой знак. Или это козни врагов и кто-то тайно подложил ему второй перстень – но зачем?!

Другое ужасное предзнаменование Марино получил прямо во Дворце дожей. Как новый правитель, он должен был узнать тайны главного дома Венеции. И вот из зала Совета десяти он с сопровождающим советником поднялся по секретной лестнице наверх. Там находились самые страшные камеры для узников – «Свинцовые кровли» или, проще, «Пьомбы» («Свинцы»). Войдя в одну из них, Фальер едва разглядел в тусклом свете решетки, стены, изъеденные дождями и сыростью, узкое каменное ложе. И вдруг… тяжелая дверь, угрожающе заскрипев, захлопнулась. Дож оказался в заточении. У провожающего его советника ключей не было, пришлось срочно бежать за тюремщиком. Когда дверь сумели наконец открыть, Фальер, едва живой, лежал на каменном ложе. В голове его крутилась одна мысль: что же означает и это предзнаменование?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.